

Умберто Эко
**Сотвори себе врага. И другие
тексты по случаю (сборник)**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6717603

*Эко, Умберто Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю: АСТ: CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083136-4*

Аннотация

Умберто Эко (р. 1932) – выдающийся итальянский ученый-философ, историк-медиевист, специалист по семиотике, литературный критик, писатель, автор хорошо известных русскому читателю романов «Имя Розы» (1980), «Маятник Фуко» (1988), «Остров накануне» (1995) и «Пражское кладбище» (2010). Сборник «Сотвори себе врага» имеет подзаголовок – «тексты по случаю», так как в него вошли эссе и статьи, написанные «по заказу» – для тематических журнальных номеров или на основе докладов на конференциях, посвященных разным областям знаний, а также статьи остро полемического характера... Разные «случаи» – разные темы. Почему людям нужно непременно создавать себе врага? Когда появляется душа у человеческих эмбрионов? Как технический прогресс меняет суть и задачи дипломатической службы?

Нередко эти тексты носят шуточный или пародийный характер, то есть писал их Эко, желая развлечь как себя самого, так и читателей.

Содержание

Предисловие	5
Сотвори себе врага	7
Абсолют и Относительность	21
Пламя прекрасно	34
Огонь как божественная стихия	36
Адский огонь	39
Алхимический огонь	41
Огонь как причина искусства	43
Огонь как проявление эпифании	45
Огонь возрождающий	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Умберто Эко

Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю (сборник)

Umberto Eco

Costruire il nemico

E altri scritti occasionali

© RCS Libri S.p.A. – Milano Bompiani 2011

© Я. Арькова, М. Визель, Е. Степанцова, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО “Издательство АСТ”, 2014 Издательство CORPUS ®

Предисловие

Настоящим заголовком этой подборки должен был бы выступать подзаголовок, то есть «тексты по случаю». Только справедливое замечание редактора, что книга со столь нарочито скромным названием вряд ли вызовет у читателя интерес, а вот название открывающего сборник эссе куда завлекательнее, заставило меня склониться к предложенному варианту.

Что такое «текст по случаю» и в чем его достоинства? В том, что, как правило, автор и не собирался обращаться к тому или иному предмету, но был к этому понужден рядом дискуссий или статей на определенную тему. Тема вдохновила автора и позволила ему поразмышлять о чем-то, что иначе могло быть упущено, – и часто происходит так, что тема, полученная извне, оказывается более плодотворной, чем возникшая по авторской прихоти.

Другое достоинство «текста по случаю» – в том, что он не претендует на оригинальность любой ценой, а предназначен скорее для развлечения – как говорящего, так и слушающего. В общем, «текст по случаю» подобен барочному упражнению в риторике вроде того, которое Роксана предлагает Кристиану (а через него – Сирано): «Говорите мне о любви».

В примечании к каждому конкретному тексту (а все они – последнего десятилетия) указаны даты и случаи, по которым они были созданы, и, как раз для того, чтобы подчеркнуть их «случайность», я добавлю, что «Абсолют и Относительность» и «Пламя прекрасно» были прочитаны в рамках фестиваля «Миланезиана»¹, включавшего тематические вечера в прямом смысле слова, и мне выпала любопытная возможность говорить об абсолюте как раз тогда, когда развернулась полемика о релятивизме, то есть об относительности всего и вся; что же касается пламени – это был для меня прекрасный опыт, потому что я и представить не мог, что мне придется интересоваться (столь горячо) эдакими материями.

«Эмбрионы без царствия небесного» – переработка доклада, прочитанного в 2008 году в Болонье на конференции по исследовательской этике и потом включенного в книгу под редакцией Франческо Галофано «Этика в медицинских исследованиях и европейская культурная идентичность»². Доклад «Группа-63, сорок лет спустя» открывал конференцию, тема которой отражена в названии моего выступления.

Размышления о поэтике избыточности у Гюго обобщают три текста, которые были подготовлены и прочитаны в качестве докладов, в то время как обзор воображаемых астрономий был самым бесстыдным образом представлен в двух разных вариантах на двух конференциях – по астрономии и по географии.

«Охота за сокровищами» суммирует несколько моих выступлений на эту тему, а «Скисшие лакомства» были прочитаны на конференции, посвященной Пьеро Кампорези.

Текст «Глянец и молчание» изначально был произнесен, почти экспромтом, в 2009 году на конгрессе Итальянской семиотической ассоциации.

Три следующие эссе – это самые настоящие дивертисменты, появившиеся в течение трех лет в «Альманахе библиофила», и в каждом случае они были вдохновлены «темой номера»: «Остров поговорок» – темой «В поисках новых островов утопии», «Я – Эдмон Дантес!» – темой «Сентиментальные грезы нежного возраста» и «Только Улисса нам не хватало...» – темой «Запоздалые рецензии». В 2011 году, также в «Альманахе библиофила», появилось эссе «Почему остров так и не был найден», оно повторяет сообщение, сделанное на конференции, посвященной островам, которая состоялась в 2010 году в Карло форте.

¹ «Миланезиана» – Миланский международный фестиваль литературы, музыки, кино, науки, искусства, философии и театров, существует с 1999 г. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. переводчика.)

² Galofano F. *Etica della ricerca medica e identità culturale europea*. Bologna: CLUEB, 2009. (Прим. автора.)

«Размышления о «Викиликсе» написаны на основе двух статей: одна из них появилась в «Либерасьон» (2 декабря 2010 года), другая – в «Эспрессо» (31 декабря 2010 года). И наконец, возвращаясь к первому эссе в подборке, «Сотвори себе врага», – оно было прочитано на одной из встреч, посвященных классикам, организованной в Болонском университете Ивано Диониджи. Нынче эти мои двадцать страниц представляются скуповатыми, после того как Джан Антонио Стелла блестяще развил тему более чем на триста страниц в своей книге «Негры, педики, жидаи и К^о. Вечная война против Другого»³, но что же делать: мне не хотелось бы позабыть написанное, потому что врагов продолжают сотворять без счета.

³ Stella Gian Antonio. *Negri, froci, giudei & Co. L'eterna Guerra contro l'altro*. Milano: Rizzoli, 2009. (Прим. автора.)

Сотвори себе врага

Много лет назад в Нью-Йорке мне довелось столкнуться с одним таксистом. По его имени было трудно понять, откуда он родом, но он сказал, что пакистанец. Потом спросил, откуда я приехал, и я ответил, что из Италии. Он спросил, сколько нас, и был поражен, узнав, что нас так мало и что при этом наш язык – не английский.

Наконец он спросил, сколько у нас врагов. И на мое «простите?!» спокойно пояснил: его интересует, со сколькими народами мы столетиями находимся в состоянии войны из-за спорных территорий, межнациональной розни, бесконечных приграничных стычек и так далее. Я ответил, что мы ни с кем не воюем. Тогда он уточнил, что интересуется нашими историческими противниками, теми, кто убивают нас и кого убиваем мы. Я повторил: у нас нет таковых, последняя война закончилась полвека назад, и, кстати сказать, начинали мы ее с одним противником, а заканчивали с другим.

Но его все это не устраивало. Как это возможно, чтобы у какого-то народа не было врагов? Выходя из такси, я дал ему два доллара на чай в качестве компенсации за наш раздражающий пацифизм. Лишь потом я сообразил, что я должен был ему ответить. Это неправда, что у нас нет врагов. У итальянцев нет внешних врагов, и в любом случае они не в состоянии толком определить их, потому что беспрестанно воюют между собой: Пиза с Луккой, гвельфы с гибеллинами, северяне с южанами, фашисты с партизанами, мафия с государством, правительство с судебным ведомством – и остается пожалеть, что в описываемый момент еще не произошло падения двух кабинетов Проди, тогда мне проще было бы объяснить, что это такое – проиграть войну, попав под «дружеский огонь».

Позднее, поразмышляв как следует над этим эпизодом, я пришел к выводу, что одно из несчастий нашей страны – как раз в том, что последние шестьдесят лет у нас нет настоящих врагов. Объединение Италии произошло благодаря тому, что в этом участвовал австрияк, или, как выразился Берше⁴, «тевтон щетинистый и грубый»; Муссолини пользовался всенародной поддержкой, призывая отомстить за отобранную победу, за унижения, перенесенные в Догали и при Адуа⁵, и за тяжкие поборы, взимаемые «иудейскими демократо-плутократами», как он выражался. Мы все видели, что произошло с Соединенными Штатами, когда Империя зла исчезла и великий враг – Советы – развалился. США грозила полная потеря идентичности, но тут Бен Ладен, не забывший еще те милости, которыми его осыпали, пока он помогал бороться с Советским Союзом, простер к США свою благодетельную длань и дал Бушу возможность сотворить себе новых врагов, упрочив тем самым и национальное самосознание, и свою власть.

Иметь врага важно не только для определения собственной идентичности, но еще и для того, чтобы был повод испытать нашу систему ценностей и продемонстрировать их окружающим. Так что, когда врага нет, его следует сотворить. Все видели широту и гибкость, с которыми веронские нацисты-скинхеды принимали к себе во враги любого, кто не принадлежал к их группе, – именно для того, чтобы обозначить себя как группу. И самое интересное в этом случае – не то, с какой непринужденностью они обнаруживали врага, а сам процесс его сотворения и демонизации.

В «Речах против Катилины» (II, 1–10) Цицерону не было нужды рисовать образ врага, потому что у него были доказательства заговора Катилины. Но он сотворил его, когда во Второй речи обрисовывал перед сенаторами друзей Катилины, ведь на фоне их развращенности облик главного обвиняемого обретал зловещие черты:

⁴ Джованни Берше (1783–1851) – итальянский поэт.

⁵ Имеются в виду битвы в Догали (1887) и при Адуа (1896) в Эфиопии, проигранные итальянцами.

Возлежа на тирушках, они, обняв бесстыдных женщин, упившись вином, объевшись, украсившись венками, умастившись благовониями, ослабев от разврата, грозят истребить честных людей и поджечь города. <...> Вы видите их, тщательного причесанных, вылощенных, либо безбородых, либо с холеными бородками, в туниках с рукавами и до пят, закутанных в целые паруса, вместо тог. <...> Эти изящные и изнеженные мальчишки обучены не только любить и удовлетворять любовные страсти, плясать и петь, но и кинжалы в ход пускать и подсыпывать яды⁶.

Морализаторство Цицерона позднее найдет отклик у Блаженного Августина, который обрушится на язычников за то, что они, в отличие от христиан, посещают театральные представления, цирковые зрелища и справляют оргиастические праздники. Враги – *другие*, не такие, как мы, и их обычаи – не такие, как наши.

Наилучший другой – это чужеземец. Уже на римских барельефах варвары предстают бородачами с приплюснутыми носами, да и само это название – «варвар», очевидно, намекает на ущербность языка и, следовательно, – мышления.

И тем не менее с самых давних пор врагов творили не столько из тех чужаков, которые действительно несут нам непосредственную угрозу (как те же варвары), сколько из тех, кого выгодно кому-то представить таковыми, хотя напрямую они не угрожают, так что не столько исходящая от них угроза заставляет увидеть их отличие от нас, сколько само отличие делается угрожающим.

Вспомним, что говорил о евреях Тацит: «Иудеи считают богопротивным все, что мы признаем священным, и, наоборот, все, что у нас запрещено как преступное и безнравственное, у них разрешается»⁷ (и тут сразу приходит в голову отторжение англосаксами лягушатников-французов и немцами – итальянцев, злоупотребляющих чесноком). Евреи – «странные», потому что брезгуют свининой, не кладут в хлеб дрожжи, бездельничают в седьмой день, женятся только на своих, делают обрезание (внимание!) не потому, что такова их гигиеническая или религиозная норма, а для того, чтобы «подчеркнуть свое отличие», закапывают своих покойников в землю и не чтут наших Цезарей. Продемонстрировав единожды, насколько отличны от наших некоторые из их действительно существующих обычаев (обрезание, соблюдение субботы), в дальнейшем можно сосредоточиться на обычаях мифических (поклоняются ослиной голове, не чтут родителей, детей, братьев, родину и богов).

Плиний не находит для христиан существенных пунктов обвинения и вынужден признать, что они не творят беззаконий, а скорее наоборот, совершают лишь добродетельные поступки. Но их все равно посылают на смерть, потому что они не приносят жертвы императору, и этот упорный отказ от вещи столь естественной и очевидной свидетельствует об их чуждости.

Новый враг возникает позднее, с развитием международных контактов. Это не только внешний враг, являющий свою странность издалека, но и тот, что внутри, между нами, тот, кого мы сейчас назвали бы «иммигрантом» или «внесоюзным лицом»⁸, – тот, кто в том или ином ведет себя по-другому, чем мы, или плохо говорит на нашем языке, и кто в сатире Ювенала описывается как «гречонок» – хитрый и плутоватый, бесстыдный и похотливый, способный даже завалить в кровать бабушку друга⁹.

⁶ Перевод В. О. Горенштейна.

⁷ Тацит. *История*. Перевод Г. С. Кнабе под ред. М. Е. Грабарь-Пассек.

⁸ Этот бюрократический термин («extracomunitario») используется в Италии для обозначения иммигрантов из-за пределов Европейского союза.

⁹ Отсылка к Третьей сатире Ювенала.

Чужеземец из чужеземцев, по причине цвета кожи, – это негр. Словарная статья «негр» первого американского издания 1798 года «Британской энциклопедии» гласит:

Цвет кожи негров имеет различные оттенки, однако формой лица все они в равной степени отличаются от других людей. Для их наружности характерны округлость лица, высокие скулы, не особенно высокий лоб, нос короткий, широкий и приплюснутый, толстые губы, небольшие уши, безобразие и неправильность черт. Негритянки широконосы, с толстыми ягодицами, по форме напоминающими седло. Самые гнусные пороки – праздность, вероломство, мстительность, жестокость, бесстыдство, воровство, лживость, пустословие, распущенность, мелочность и неумеренность – являются уделом этой жалкой расы; справедливо полагают, что названные свойства подорвали в этих людях принципы естественного закона, заглушив в них голос совести. Чуждые всякого сострадания, они могут служить устрашающим примером деградации человека, предоставленного самому себе¹⁰.

Негр отвратителен. Враг и должен быть отвратительным, потому что прекрасное идентифицируется с хорошим (принцип калокагатии), и одной из основополагающих характеристик красоты всегда является то, что в Средние века назовут *integritas*, «целостность» (то есть обладание всеми свойствами, необходимыми для того, чтобы являться средним представителем своего вида, вот почему людям кажутся отвратительными нехватка конечности, глаза, не достающий до среднего рост или «нечеловеческий» цвет кожи). И это дает нам самый простой способ идентификации любого врага – от одноглазого великана Полифема до карлика Миме. Приск Панийский в V веке описывал Аттилу как коротышку с широким торсом, большой головой, маленькими глазками, жидкой и клочковатой бородой, приплюснутым носом и (основополагающая черта) темной кожей. Но любопытно, насколько лицо Аттилы напоминает физиономию дьявола, каким его увидел пять веков спустя Радульф Глабер:

Насколько я мог рассмотреть, он был небольшого роста, с длинной и тощей шеей, истинным лицом, черными глазами; лоб морщинистый и узкий, плоский нос, огромный рот, толстые губы, подбородок короткий и заостренный, козлиная бородка, уши прямые и острые, волосы грязные и торчащие, собачьи зубы, затылок суживающийся, выдающаяся грудь, горб на спине, отвислый зад и грязная одежда (Хроники, V, 2)¹¹.

Лишенными *integritas* предстают византийцы в глазах Лиутпранда Кремонского, когда в 968 году император Отон I отправляет его в Византию и он столкнулся с еще неизвестными обычаями:

Привели меня в большой зал <...> к Никифору, человеку весьма отталкивающей наружности, какому-то пигмею с тяжелой головой и крошечными, как у крота, глазами; его уродовала короткая, широкая, с проседью борода, а также шея высотой в толщину пальца. <...> Его длинные и густые волосы придавали ему вид кабана, цветом кожи он был подобен эфиопу: «с ним бы ты не хотел повстречаться среди ночи». Живот одутловатый, зад тощий, бедра для его короткой фигуры непомерно длинны, голени маленькие, пятки и

¹⁰ Цит. по: *История уродства* / Под ред. Умберто Эко. М., 2007. Перевод И. В. Макарова.

¹¹ Цит. по: *История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых*: В 3 т. Т. 3. СПб., 1887. Перевод М. М. Стасюлевича.

*стоны соразмерны. Одет он был в роскошное шерстяное платье, но слишком старое и от долгого употребления зловонное и тусклое*¹².

«Зловонное». Враг всегда воняет, и некий Берийон в начале Первой мировой войны (1915) написал книгу «*La polychresie de la race allemande*»¹³, в которой доказывает, что средний немец производит больше фекальных масс, чем француз, и с более неприятным запахом. Воняет византиец – но воняет и сарацин, в «*Evagatorium in Terrae sanctae, Arabiae et Egipti peregrinationem*»¹⁴ Феликса Фабри (XV век) сказано:

Сарацины испускают столь ужасную вонь, что постоянно вынуждены совершать различные омовения; а поскольку мы не воняем, для них не важно, если мы моемся вместе с ними. Но они не столь терпимы по отношению к евреям, которые воняют еще сильнее. <... > Та к что вонючие сарацины были рады оказаться в обществе, лишенном вони, подобном нашему.

Воняют австрияки у Джусти¹⁵ (помните: «Я Вашу милость раздражаю явно, вам шуточками жалкими не мил...»?):

Итак, вхожу, а там одни солдаты,
Гляжу – не верю собственным глазам:
Шпалерами богемцы и кроаты,
Ну прямо виноградник, а не храм.
.....
Едва мне этот бравый сброд предстал,
Чуть было я не повернул обратно.
Я чувство отвращения испытал,
Что вам, по долгу службы, непонятно.
Особый запах воздух пропитал:
Казалось, что, чадя невероятно,
Во храме свечи сальные горят,
Распространяющие жирный смрад¹⁶.

Не может не вонять цыган, раз он питается отбросами, как уверяет Ломброзо («Преступный человек», 1876, 1, II), и воняет противница Джеймса Бонда в романе «Из России с любовью», Роза Клебб. Она не просто русская и советская, но еще до кучи и лесбиянка:

Встав перед светлой дверью без таблички, Татьяна почувствовала запахи, несшиеся изнутри комнаты, а когда грубый голос пригласил ее войти и она, открыв дверь, уставилась в глаза сидевшей за круглым столом женщины, именно эти запахи обрушились на нее: запахи метро в часы пик – смесь дешевой парикмахерской и зоопарка. Русские употребляют духи в независимости от того, мылись они или нет, а чаще всего – немывыми. <... >

Открылась дверь, и на пороге появилась Клебб. <... > На полковнике Клебб была надета полупрозрачная оранжевая ночная рубашка из крепдешина. <... > Одна обнаженная коленка, напоминавшая кокосовый орех, вытирала из-под полы рубашки, как к тому понуж-

¹² «Отчет о посольстве в Константинополь». Перевод И. В. Дьяконова.

¹³ «О многодерьмовости германской расы» (фр.).

¹⁴ «Длительное путешествие по Святой земле, паломничество по Аравии и Египту» (лат.).

¹⁵ Джузеппе Джусти (1809–1850) – итальянский (тосканский) поэт-сатрик, деятельный сторонник объединения Италии.

¹⁶ «Церковь Сант-Амброджо». Цит. по: *История уродства*. Перевод Е. Солоновича.

дала классическая поза манекенщицы. <...> Роза Клебб была без очков – на оголившемся лице толстым слоем лежали румяна, белила и губная помада. <...> Клебб похлопала по кушетке рядом с собою: «Выключи верхний свет, моя дорогая. Выключатель – у двери. И садись ко мне поближе. Мы должны похуже узнать друг друга»¹⁷.

Монструозен и смраден, по крайней мере со времен зарождения христианства, еврей, ведь его образчик – Антихрист, то есть архивраг, враг не только наш, но и Господа:

*На вид же он вот каков: голова его раскалена докрасна, правый глаз налит кровью, левый глаз зеленый, как у кошки, с двумя зрачками и белыми веками, нижняя губа толстая, он хром на правую ногу, ступни имеет крупные, большой палец руки у него сплюснут и имеет удлиненную форму*¹⁸.

*Антихрист народится среди иудейского народа <...> от союза отца и матери, подобно всем людям, а не от одной лишь девы. <...> В момент его зачатия дьявол войдет в материнское лоно, благодаря дьявольским чарам будет он питаем во чреве матери, и сила дьявола неизменно пребудет с ним*¹⁹.

*У него будут два горящих глаза, уши, подобные ослиным, пасть и нос, как ульва; и начнет он подбивать людей на поступки самого дурного свойства, сопровождаемые огненными вспышками и жуткими завываниями как проявление духа противоречия, и примется подговаривать их к отпадению от Бога, наполнив их тела омерзительным смрадом, а церковные институты поразив духом ненасытной алчности; сам же будет ухмыляться во всю свою ужасную пасть, скаля отвратительные железные зубы*²⁰.

Коли Антихрист является из еврейского народа, его личина не может не отражаться в образе еврея, идет ли речь о народном антисемитизме, теологическом или же о буржуазном антисемитизме XIX–XX веков. Сравним:

*Обычно у них бледное лицо, крючковатый нос, глубоко посаженные глаза, выступающий подбородок и развитые мышцы рта <...> К этому следует прибавить, что евреи подвержены болезням, указывающим на порчу кровяной массы: в прежние времена это была проказа, а в наши дни родственны ей цинга, золотуха, кровотечения и т. п. <...> Считается, что от евреев постоянно исходит дурной запах <...> Другие полагают, что причина тому неумеренное употребление овощей, обладающих резким запахом, таких как лук и чеснок; некоторые связывают данный факт с поеданием баранины <...> по мнению иных же наблюдателей, любимая евреями гусятина, богатая грубыми, вязкими сахарами, придает им синюшность и рыхлость*²¹.

Позднее Вагнер дополняет портрет мимическими и фонетическими характеристиками:

¹⁷ Цит. по: *История уродства*. Перевод Н. Пищулина.

¹⁸ *Сирийский Завет Господа нашего Иисуса Христа*. I, 4 (V в.). Цит. по: *История уродства*. Перевод И. В. Макарова.

¹⁹ Адсон из Монтьер-ан-Дер. *О рождении и сроках Антихриста* (X в.). Цит. по: *История уродства*. Перевод И. В. Макарова.

²⁰ Хильдегарда Бингенская. *Познай пути*. III, 1, 14 (XII в.). Цит. по: *История уродства*. Перевод И. В. Макарова.

²¹ Батист-Анри Грегуар. *Опыт о физическом, нравственном и политическом возрождении евреев* (1788). Цит. по: *История уродства*. Перевод И. В. Макарова.

Этот особенный вид – неотъемлемая принадлежность еврея, среди народа какой бы европейской национальности он ни вращался; для всех национальностей представляет черты неприятно-чуждые. Мы невольно не желаем иметь ничего общего с человеком, имеющим такой вид. <...> Мы не можем представить себе какую-нибудь драматическую сцену античного или современного характера, в которой роль играл бы еврей, чтобы до смешного не почувствовать несоответствия такого представления. <...> Насколько чужды нам евреи, можно судить из того, что сам язык евреев противен нам. <...> Само звуковыражение, чуждое нам, резко поражает наши слух; также неприятно действует на нас незнакомая конструкция оборотов, благодаря которым еврейская речь приобретает характер невыразимо перепутанной болтовни; это обстоятельство прежде всего следует принять во внимание, потому что оно, как ниже будет показано, разъясняет то впечатление, какое оказывают на нас новейшие музыкальные еврейские произведения. <...> Прислушайтесь к речи еврея, и вас неприятно удивит отсутствие в ней чего-то гуманного. <...> Поэтому естественно, что в пении, как в самом живом и самом правдивом выражении душевных настроений, природная неспособность евреев к переживанию вдохновений чувствуется сильнее всего²².

Гитлер выражается куда тоньше, хотя и доходит едва ли не до зависти:

Платье должно служить делу воспитания молодежи. <...> Если бы вопрос о красивом теле не был сейчас благодаря дурацким модам отодвинут на самое последнее место, то кривоногие истасканные еврейчики не могли бы свести с правильного пути сотни тысяч наших немецких девушек²³.

От лица к обычаям – и вот вам враг-еврей, убивающий младенцев и пьющий их кровь. Возникает он очень рано, например, в «Кентерберийских рассказах» Чосера, где рассказывается о мальчонке, похожем на святого Симонино из Тренто, которого, пока он шел по еврейскому кварталу, распевая гимн Богородице, похитили, после чего перерезали ему горло и сбросили в колодезь.

Еврей, убивающий детей и пьющий их кровь, имеет очень сложную генеалогию, потому что та же самая модель существовала еще раньше, при создании врага внутри христианства – еретика. Достаточно только одного текста:

Вечером, когда зажгут светильники и мы поминаем Страсти Христовы, они приводят в некий дом отроковиц, назначенных для их тайных обрядов, гасят светильники, потому что не желают, чтобы свет удостоверял мерзости, что собираются они творить, и тешат свое беспутство на ком случится, будь то сестра или дочь. Они убеждены, что, поступая так, тешат бесов, потому что нарушают законы божеские, запрещающие совокупляться с единокровниками. Свершив обряд, возвращаются домой и ждут, чтобы минуло девять месяцев. И когда настает время родиться нечестивым сынам нечестивого семени, собираются снова в том же месте. Через три дня после родов отрывают несчастных детей от их матерей, взрезают острыми ножами их нежные члены, собирают в чаши бьющую кровь, сжигают младенцев, еще дышащих, бросая в костер. Потом перемешивают в чашах кровь с пеплом, пока не получается мерзостная смесь, которой они марают кушанья и питье – но втихомолку, как те, кто подсыпает в мед траву. Таково их причастие²⁴.

²² Вагнер Р. *Еврейство в музыке*. Перевод И. Ю-са.

²³ Гитлер А. *Моя борьба*.

²⁴ Psello Michele. *De operatione daemonum* (XI sec.). (Прим. автора.)

Таким образом, враг воспринимается как другой и дурной потому, что принадлежит к низшему классу. В «Илиаде» Терсит («Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону; / был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади / плечи на персях сходились; глава у него подымалась / вверх острием, и была лишь редким усеяна пухом»²⁵) стоит на социальной лестнице ниже Агамемнона и Ахилла и, следовательно, им завидует. Между Терситом и Франти из книги Де Амичиса – невелика разница, они оба безобразны: Одиссей в кровь лупит первого, а общество посылает Франти на каторгу.

Рядом с ним сидит худой и унылый мальчик, по имени Франти; его уже выгнали из одной школы. <...> Франти рассмеялся; только он один мог смеяться, когда Доросси рассказывал о похоронах короля. Я терпеть не могу Франти, потому что он злой. Когда в школу приходит чей-нибудь отец, чтобы задать головоломку своему сыну, Франти всегда радуется. Когда кто-нибудь плачет, Франти смеется. Он дрожит перед Гарроне, потому что тот сильнее, и бьет Киртичонка, потому что тот маленький. Он мучает Кросси за то, что у того больная рука. Он смеется над Деросси, которого все уважают. Он дразнит Робетти, ученика второго класса, который спас мальчика и теперь ходит на костылях. Он вызывает на драку тех, кто слабее его, а когда дело доходит до кулаков, то звереет и дерется страшно больно. Его низкий лоб и мутные глаза, полускрытые козырьком клеенчатого берета, производят какое-то тяжелое впечатление. Он никого не боится, смеется в лицо учителю и при случае может украсть и солгать, не моргнув глазом. Он всегда в ссоре с кем-нибудь, приносит в школу булавки, чтобы колоть своих соседей, и обрывает для игры пуговицы со своей куртки и с курток своих товарищей. Его сумка, тетради, книги – все измято, разорвано, испачкано, линейка у него зазубрена, перо и ногти обкусаны, платье все в жирных пятнах и в дырах, потому что он постоянно дерется. <...> Учитель иногда делает вид, что не замечает проделок Франти, и тогда тот начинает вести себя еще хуже. Учитель пробовал подойти к нему по-хорошему, но Франти только смеялся в ответ. А когда учитель грозит ему, он закрывает лицо руками, делая вид, что плачет, а на самом деле смеется²⁶.

Среди носителей уродства, обусловленного социальным статусом, очевидно, находятся прирожденный преступник и проститутка. Но в случае с проституткой мы вступаем в другой мир – в мир сексуальной неприязни или сексуального расизма. Для мужчины, который пишет и властвует (или властвует благодаря тому, что пишет), женщина с самого начала представлялась врагом. Пусть не обманывает нас уподобление женщин ангелам; напротив – именно потому, что в «большой литературе» преобладали нежные и прекрасные создания, мир сатиры – а потом и мир народной фантазии – последовательно демонизирует женское начало – со времен античности через Средние века и вплоть до современности. Что касается античности, ограничусь Марциалом («Эпиграммы», 93):

Хоть прожила ты, Ветустилла, лет триста,
Зубов четыре у тебя, волос пара,
Цикады грудь и как у муравья ноги
И кожи цвет, а лоб морщинистей столы,
И титьки дряблы, словно пауков сети...
.....
Хоть видишь столько, сколько видит сыч утром,

²⁵ Перевод Н. Гнедича.

²⁶ Де Амичис А. *Сердце*. Перевод В. Давиденковой.

И пахнешь точно так же, как самцы козы,
И как у тощей утки у тебя гузка...
.....
Пускай могильщик пред тобой несет факел:
Один лишь он подходит для твоей страсти²⁷.

А кому, по-вашему, принадлежит следующий фрагмент?

Женщина – существо несовершенное, одержимое тысячью отвратительных страстей, о которых и думать-то противно, не то что говорить. <...> Нет существа более неопрятного, чем женщина; уж на что свинья любит грязь, но и она с женщиной не сравнится. Пусть тот, кто со мной не согласен, посмотрит, как они рожают, заглянет в потаенные уголки, куда они прячут, застыдясь, мерзостные предметы, которыми орудуют, чтобы избавиться от ненужной телу жидкости.

Если так мог думать Боккаччо («Ворон»²⁸), безнравственный мирянин, вообразите же себе, что мог думать и писать средневековый моралист, желая отстоять провозглашенный апостолом Павлом принцип, согласно которому «хорошо человеку не касаться женщины... Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться»²⁹.

Одон Ключонийский в X веке напоминал:

Красота телесная вся в коже. В действительности, если бы мужи обладали, как рысь из Беотии, взглядом, проникающим сквозь, и увидели бы, что под кожей, единый взгляд на женщин вызвал бы у них тошноту: вся эта женская прельстительность – не более чем ребуха, кровь, гуморы и желчь. Подумайте о том, что таится в ноздрях, в глотке, в чреве: повсюду нечистота! <...> И мы, кто брезгуем прикоснуться хоть кончиком пальца к рвоте или навозу, как можем мы жаждать сжать в своих объятиях простой куль экскрементов!³⁰

От женоненавистничества, так сказать, «нормального», переходим к концепции ведьмы, шедевр современной цивилизации. Конечно, ведьма была известна и в античности, и я ограничусь здесь только упоминанием Горация («Видел Кандию сам я, одетую в черную паллу, / Как босиком, растрепав волоса, с Саганою старшей / Здесь завывали они; и от бледности та и другая / Были ужасны на вид»³¹) или ведьм в «Золотом осле» Апулея. Но в античности, как и в Средневековье, речь шла о ведьмах или ведьмаках – прежде всего в связи с народными верованиями – как о явлениях в конечном счете эпизодических. Рим во времена Горация не видел в ведьмах угрозы, и в Средние века по-прежнему считалось, что ведовство, в сущности, – это феномен самовнушения, то есть что ведьма – это та, кто сама верит в то, что она ведьма, как утверждает в Епископском каноне IX века:

Некоторые испорченные женщины, обратившиеся к Сатане и соблазненные его обольщениями и ложью, верят сами и утверждают, что ночной порой скачут верхом на каких-то зверях заодно с множеством других женщин в свите Дианы <...> Священникам следует

²⁷ Перевод Ф. А. Петровского.

²⁸ Перевод Н. Фарфель.

²⁹ Кор, 7: 1, 7: 9.

³⁰ Collationum libri tres, PL, 133, coll 556 e 648. (Прим. автора.)

³¹ Сатиры, I, 8. Перевод М. Дмитриева.

неустанно проповедовать своей пастве, что все это пустые рассказы и что в умы верующих подобные бредни влагаются не божественной силой, а нечистым духом. В самом деле, преобразившись в ангела света, Сатана морочит голову этим несчастным и подчиняет их своей воле вследствие их маловерия и отсутствия в них веры³².

Но именно на заре современного мира ведьмы начинают собираться всемером, чтобы справлять свои шабашы, летать, превращаться в животных – и становиться врагами общества, что оправдывает инквизиторские процессы и костры. Сейчас не место рассматривать сложную проблему «ведовского синдрома», то есть поисков козла отпущения во время глубоких социальных кризисов, проблему влияния сибирского шаманизма или постоянства вечных архетипов. То, что интересует нас сейчас, – вновь и вновь повторяющаяся модель сотворения врага, аналогичная той, что применялась для еретика или еврея. И пускай люди науки, как Джироламо Кардано («De regum varietate», XV), выдвигали свои возражения с точки зрения здравого смысла:

Это убогие женщины низкого звания, живущие в долинах и питающиеся каштанами и травами. Без небольшого количества молока, которое они выпивают, им бы вообще не прожить. По этой причине они кажутся изнуренными и невзрачными, цвет лица у них землистый, глаза навыкате, взгляд изобличает темперамент желчный и меланхоличный. Они молчаливы, рассеянны и мало чем отличаются от женщин, одержимых бесом. Они столь упорны в своих суждениях, что, наслушавшись их, можно увериться в истинности того, о чем они с таким жаром рассказывают, пусть даже речь идет о вещах, которых никогда не было и никогда не будет³³.

Новые волны преследований начинают накатывать на прокаженных. Карло Гинзбург указывает в своей книге «Ночная история. Истолкование шабаша»³⁴, что в 1321 году их сжигали по всей Франции на том основании, что они якобы пытались убить все население страны, отравляя воду, источники и колодцы:

Прокаженных женщин, признавшихся в преступлении добровольно или после пыток, следовало сжечь, только если они не были беременны; если же были – то должны были содержаться в тайном месте до родов и отнятия младенцев от груди, а потом – сожжены.

Нетрудно разглядеть здесь истоки всех процессов над разносчиками любой заразы. Но другой аспект преследований, упоминаемых Гинзбургом, – то, что разносчики проказы автоматически ассоциировались с евреями и сарацинами. Разные хронисты приводили суждения современников, согласно которым евреи были в заговоре с прокаженными и поэтому многие были сожжены вместе с последними:

Народец вершил правосудие сам, не зовя ни настоятеля, ни бальи: затирали людей в дома вместе со скотиной и со всем скарбом и подпускали огня.

Один из вожаков прокаженных признался, что был подкуплен деньгами некоего еврея, который вручил ему отраву (изготовленную из человеческой крови, мочи, трех видов трав

³² Цит по: *История уродства*. Перевод И. В. Макарова.

³³ «О разнообразии вещей» (лат.). Цит. по: *История уродства*. Пер. И. В. Макарова.

³⁴ Ginzburg Carlo. *Storia notturna. Una decifrazione del sabba*. Torino: Einaudi, 1989. P. 6–8. (Прим. автора.)

и освященной облатки) в мешочках с грузом, чтобы те легче достигли дна источников, но обратился к евреям не кто иной, как король Гранады, а еще в этом заговоре, согласно другому свидетельству, участвовал султан вавилонский. Так, одним махом, были объединены три традиционных врага: прокаженный, еврей и сарацин. Необходимость в присоединении к ним еще и четвертого врага, еретика, обусловлена тем, что призванные для черного дела прокаженные должны были плевать на облатку и топтать распятие.

Позднее ритуалы подобного рода будут приписываться ведьмам. Еще в XIV веке появились первые пособия по проведению инквизиторских процессов против еретиков, такие как «Practica inquisitionis hereticae pravitatis»³⁵ Бернардо Гуя или «Di rectorium Inquisitorum»³⁶ Николау Аймериха, а в XV веке (в то время как во Флоренции Марсилио Фичино переводил Платона по заказу Козимо Медичи и, согласно одной известной голиардической пародии, люди уже изготавились петь: «Ах, какое облегченье! Наступает Возрожденье!»), а именно между 1435 и 1437 годами, появился (и потом был напечатан в 1773-м) «Formicarius»³⁷ Нидера, где впервые говорилось о ведьминских ритуалах в современном смысле этого слова.

В булле «Summis desiderantes affectibus»³⁸ (1484) Иннокентий VIII пишет:

С недавних пор до нас – к величайшему нашему прискорбию – стали доходить известия о том, что в некоторых областях Германии <...> особы обоего пола, позабывшие о собственном спасении и отпавшие от католической веры, безбоязненно вступают в плотский союз с инкубами и суккубами и губят или насылают порчу на потомство, рожденное от женщин, животных или плодов земли <...> прибегая к чарам, сглазу, заклинаниям и прочим гнусным приемам магии... Желая – как и подобает нашему сану – с помощью надлежащих мер предотвратить проникновение яда еретического заблуждения в простые души, постановляем, чтобы вышеименованные Шпренгер и Крамер приступили к обязанностям инквизиторов на упомянутых землях»³⁹.

И действительно: вдохновленные в том числе «Муравейником», в 1486 году Шпренгер и Крамер опубликуют печально известный «Malleus Malle ficarum»⁴⁰.

Как сотворить ведьму, говорят нам (и это только один пример из тысяч) документы инквизиторского процесса против Антонии в приходе Сен-Жорьё, диоцеза Женевы, в 1477 году:

Обвиняемая, оставив мужа и семью, отправилась с Массе в место, именуемое Лаз Перрой у потока <...> где помещалась синагога еретиков, и нашла мужчин и женщин в большом количестве, которые веселились там, плясали и танцевали. Тогда ей показали одного демона, именем Робине, имевшего облик негра, приговаривая: «Вот наш хозяин, которому мы должны воздавать почести, если хочешь получить то, чего желаешь». Подсудимая спросила его, как ей надлежит себя вести <...> и указанный Массе ей отвечал: «Отринешь Господа, создателя твоего, и веру католическую, и эту подлизу Деву Марию, и примешь как своего господина и хозяина этого демона именем Робине, и будешь делать всё, чего он пожелает <...>». Выслушав эти слова, обвиняемая запечалилась и сперва отказалась выполнять это. Но наконец отринула Господа со словами: «Отрекаюсь от Господа,

³⁵ «Наставление инквизиции в еретических мерзостях» (лат.).

³⁶ «Указания инквизиции» (лат.).

³⁷ «Муравейник» (лат.).

³⁸ «Всеми силами души» (лат.).

³⁹ Цит. по: *История уродства*. Перевод И. В. Макарова.

⁴⁰ «Молот ведьм» (лат.).

создателя моего, и от веры католической, и от святого креста, и предаюсь тебе, демон Робине, как моему господину и хозяину». И воздала ему почести, лобызая ему ступню <...> Потом, пренебрегая Богом, швырнула на землю, наступила левой ногой и сломала деревянное распятие <...> Взяла палку длиною в стопу с половиной; для того, чтобы сделать ее пригодной для синагоги, она должна была помазать ее помазанием, содержащимся в дароносице, что была полна, и поместить ее между ног со словами: «Прочь, прочь из дьявольских частей!», и незамедлительно перенести ее по воздуху быстрым движением до самого того места, где находилась синагога. Показала также, что в упомянутом месте ели хлеб и мясо; пили вино и снова плясали; затем, поелику сказанный демон, их господин и хозяин, превратился из человека в собаку черной масти, они воздавали ему почести и кланялись, целуя его назад; наконец демон, затушив светильник, который зелеными языками пламени освещал синагогу, воскликнул громким голосом: «Мекле! Мекле!» – и с этим криком возлегли по-скотски мужчины с женщинами и она с указанным Массе Гареном⁴¹.

Эти показания с различными подробностями вроде плевка на распятие и поцелуя в зад почти буквально повторяют показания на процессе тамплиеров полутора веками ранее. Поражает, что не только инквизиторы на этом процессе XV века руководствовались в своих вопросах и замечаниях тем, что они читали в документах предыдущих отчетов, но и все жертвы на допросах, проходивших в достаточно суровых условиях, признавались в том, в чем их обвиняли. В ходе ведовских процессов не только создавался образ врага, и жертва не только в конце концов признавалась даже в том, чего она не совершала, но, признаваясь, она сама начинала верить, что действительно это делала. Вспомните аналогичный процесс, описанный в «Слепящей тьме» Кёстлера, а также то, что и на сталинских процессах сначала создавался образ врага, а потом жертву заставляли себя узнать в этом образе.

Сотворение врага приводит к тому, что им начинает чувствовать себя и тот, кто мог бы рассчитывать на более благосклонное отношение. Театр и литература демонстрируют нам примеры «гадкого утенка», отвергнутого себе подобными, который в конце концов начинает соответствовать тому, как его воспринимают. В качестве типичного примера процитирую шекспировского «Ричарда III»:

Но я не создан для забав любовных,
Для нежного гляденья в зеркала...

Меня природа лживая согнула
И обделила красотой и ростом.
Уродлив, исковеркан и до срока
Я послан в мир живой; я недоделан, —
Такой убогий и хромой, что псы,
Когда пред ними ковыляю, лают.
Чем в этот мирный и тщедушный век
Мне наслаждаться? Разве что глядеть
На тень мою, что солнце удлиняет,
Да толковать мне о своем уродстве?
Раз не дано любовными речами
Мне занимать болтливый пышный век,
Решился стать я подлецом и проклял

⁴¹ Цит по: Giuseppina ed Eugenio Battisti. *La civiltà delle streghe*. Milano: Lerici, 1964. P. 73 e sgg. (Прим. автора.)

Ленивые забавы мирных дней⁴².

Похоже, что обойтись без врагов невозможно. Фигура врага неизбежна в цивилизационном процессе. Враг нужен даже мягкому и миролюбивому человеку. Просто тот подставляет на место врага-человека природную стихию, или общественную силу, или явление, которые тем или иным образом ему угрожают и должны быть побеждены, будь то капиталистическая эксплуатация, загрязнение окружающей среды или голод в странах Третьего мира. Но сколь бы оправданными ни были поводы, даже гнев из-за несправедливости, как замечает Брехт, искажает лицо.

Значит, этика бессильна перед извечной потребностью иметь врагов? Я бы сказал, что суть этики торжествует не тогда, когда мы делаем вид, будто кто-то не является нашим врагом, а когда мы стараемся понять его, влезть в его шкуру. У Эсхила нет ненависти к персам – трагедия персов изложена с их точки зрения. Цезарь с немалым уважением относится к галлам, самое большее, что он себе позволяет, – заставляет их стенать всякий раз, как они сдаются; и Тацит восхищается германцами, даже находит прекрасно сложенными и ограничивается жалобами на их нечистоплотность и неспособность к тяжелым работам, потому что они не выносят холод и жажду.

Стараться понять другого – значит разрушать стереотипы, не отрицая и не уничтожая различий.

Но будем реалистами. Подобные формы понимания врага присущи поэтам, святым и предателям. Наши самые сокровенные призывы совсем другого порядка.

В 1968 году в США появился «Секретный доклад из «Железной горы» о возможности и желанности мира». Он был опубликован анонимно, хотя кое-кто приписывает его Гэлбрейту⁴³. Речь, безусловно, идет об антивоенном памфлете или, во всяком случае, о вопле отчаяния в преддверии неизбежной войны. Но поскольку для того, чтобы вести войну, нужен враг, с которым можно воевать, неотвратимость войны подразумевает также неотвратимость выявления и сотворения врага. И в этом памфлете с предельной серьезностью замечалось, что воцарение прочного мира окажется губительным для американского общества, потому что одна лишь война служит основой для гармоничного развития человеческого общества. Заранее предусмотренные расходы и потери – это клапан, регулирующий правильное течение дел. Война решает проблему любых запасов, сметая их как маховое колесо. Она позволяет некоему сообществу осознать себя как «нацию». Война создает трудности, без которых правительство вообще не в состоянии было бы утвердить свой авторитет; только война закрепляет равновесие между классами и позволяет вовлекать и использовать даже антисоциальные элементы. Мир порождает нестабильность и подростковую преступность; война направляет в более приемлемое русло все непокорные силы, придавая им законный «статус». Армия – последняя надежда обездоленных и не нашедших своего места в жизни; только военная система, властная над жизнью и смертью, способна заставить граждан платить кровью даже за те программы, которые не имеют к ней прямого отношения, – такие как развитие сети автомобильных дорог. С экологической точки зрения, война представляет собой стравной клапан для избыточных жизней; и если вплоть до XIX века умирали лишь наиболее достойные члены общества (воины), а никчемные спасались, то современная военная машина позволяет справиться и с этой проблемой – путем бомбардировки гражданских объектов. Бомбардировка ограничивает прирост населения лучше ритуального детоубийства, целибата, насильственных увечий или широкого применения смертной казни. . . В конце кон-

⁴² Перевод Анны Радловой.

⁴³ *The Report from Iron Mountain*. New York: The Dial Press, 1968. Ed. Leonard C. Lewin. «Железная гора» («Iron Mountain») – созданная одноименной американской компанией система сверхнадежных хранилищ для важных документов. Изначально действительно размещалась в выработанном железном руднике.

цов, именно война дает толчок искусству по-настоящему «гуманистическому», основанному в первую очередь на конфликтных ситуациях.

Коли так, сотворять врага необходимо постоянно и интенсивно. Отличный образец тому дает Джордж Оруэлл в «1984»:

И вот из большого телекрана в стене вырвался отвратительный вой и скрежет – словно запустили какую-то чудовищную несмазанную машину. От этого звука вставали дыбом волосы и ломило зубы. Ненависть началась.

Как всегда, на экране появился враг народа Эммануэль Голдстейн. Зрители зашикали. Маленькая женщина с рыжеватыми волосами взвизгнула от страха и омерзения. Голдстейн, отступник и ренегат, когда-то, давным-давно <...> был одним из руководителей партии <...> а потом встал на путь контрреволюции, был приговорен к смертной казни и таинственным образом сбежал, исчез. <...> Первый изменник, главный осквернитель партийной чистоты. Из его теорий произрастали все дальнейшие преступления против партии, все вредительства, предательства, ереси, уклоны. Неведомо где он все еще жил и ковал крамолу <...>

Уинстону стало трудно дышать. Лицо Голдстейна всегда вызывало у него сложное и мучительное чувство. Сухое еврейское лицо в ореоле легких седых волос, козлиная бородка – умное лицо и вместе с тем необъяснимо отталкивающее; и было что-то сенильное в этом длинном хрящеватом носе с очками, съехавшими почти на самый кончик. Он напоминал овцу, и в голосе его слышалось бляение. Как всегда, Голдстейн злобно обрушился на партийные доктрины <...> Требовал немедленного мира с Евразией, призывал к свободе слова, свободе печати, свободе собраний, свободе мысли; он истерически кричал, что революцию предали. <...>

Ненависть началась каких-нибудь тридцать секунд назад, а половина зрителей уже не могла сдержать яростных восклицаний. <...> Ко второй минуте ненависть перешла в иступление. Люди вскакивали с мест и кричали во все горло, чтобы заглушить непереносимый бляющий голос Голдстейна. Маленькая женщина с рыжеватыми волосами стала пунцовой и развала рот, как рыба на суше. <...> Темноволосая девица позади Уинстона закричала: «Подлец! Подлец! Подлец!» – а потом схватила тяжелый словарь новояза и запустила им в телекран. Словарь угодил Голдстейну в нос и отлетел. Но голос был неистребим. В какой-то миг просветления Уинстон осознал, что сам кричит вместе с остальными и яростно лягает перекладину стула. Ужасным в двухминутке ненависти было не то, что ты должен разыгрывать роль, а то, что ты просто не мог остаться в стороне. <...> Словно от электрического разряда, напали на все собрание гнусные корчи страха и мстительности, иступленное желание убивать, терзать, крушить лица молотом: люди гримасничали и вопили, превращались в сумасшедших⁴⁴.

Нет нужды достигать степени безумия, описанной в «1984», чтобы узнать в себе существо, которому необходимо сотворять врага. Мы видим, какой страх внушают новые миграционные потоки. Распространяя на целый этнос качества некоторых его маргинализованных представителей, в Италии сейчас творят образ врага-румына, идеального козла отпущения для общества, которое, находясь в процессе преобразования (этнического в том числе), не узнает больше самое себя.

Наиболее пессимистичный взгляд на эту тему демонстрирует Сартр в пьесе «За закрытыми дверями». С одной стороны, мы можем узнать самих себя только в присутствии Другого, и на этом базируются нормы человеческого общежития и терпимости. Но мы куда охот-

⁴⁴ Перевод В. П. Гольшпева.

нее находим этого Другого невыносимым, потому что по какому-то параметру он – не мы. Так, превращая его во врага, мы творим себе ад на земле. Когда Сартр закрывает трех уже умерших людей, не знакомых между собой при жизни, в гостиничном номере, один из них понимает ужасающую истину:

Смотрите, как просто. Просто, как дважды два. Физической пытки нет, а все-таки мы в аду. И никто больше не придет. Никто. Мы навсегда останемся здесь, все вместе, одни. <...> Здесь не хватает только палача. <...> Они просто экономят на обслуживающем персонале. Вот и все. <...> Каждый из нас будет палачом для двоих других⁴⁵.

[Выступление в Болонском университете 15 мая 2008 года в рамках встреч, посвященных классикам, и ранее опубликованное в кн.: *Elogio della politica* / A cura di Ivano Dionigi. Milano: BUR, 2009.]

⁴⁵ Перевод Л. Каменской.

Абсолют и Относительность

Раз вы не испугались устрашающей темы моего выступления и собрались здесь сегодня вечером, значит, вы готовы ко всему, однако полноценная лекция о категориях Абсолюта и Относительности заняла бы две с половиной тысячи лет – ровно столько насчитывает история данного вопроса. В этом году тема «Миланезианы» – «Спор об Абсолюте», и, конечно, первым делом я задумался над значением этого понятия. Философ всегда должен начинать с самого простого.

Я пропустил остальные события «Миланезианы», поэтому для начала решил поискать в интернете, кто из художников обращался к Абсолюту: мне попались «Знание абсолюта» Магритта, еще несколько картин, чьи авторы не важны, среди них «Изображение абсолюта», «Поиск абсолюта», «В поисках Абсолюта», «Путник абсолюта», не обошлось и без рекламы – например, водки «Абсолют». Судя по всему, Абсолют – ходовой товар.

Понятие Абсолюта натолкнуло меня на мысль об одной из его противоположностей – понятии Относительности, которое вошло в обиход, когда высокопоставленные духовные лица, а с ними и светские мыслители ополчились на так называемый релятивизм – слово это впоследствии стало ругательным и применялось лишь в крайних случаях, что можно сравнить с «коммунизмом» в устах Берлускони. Сейчас я, наверно, должен был бы внести ясность, но вместо того запутаю вас еще больше и раскрою все многообразие значений этих двух категорий, которые в зависимости от обстоятельств и контекста воспринимаются совершенно по-разному, так что нельзя их использовать как бог на душу положит.

Согласно философским словарям, Абсолютом называется все, что *ab solutus* – ничем не связано и не ограничено, ни от чего не зависит, чьи смысл, первопричина и объяснение заключены в нем самом. То есть нечто сродни Богу, когда Он определяет себя: «Я есмь Сущий»⁴⁶ («Ego sum qui sum»), все остальное же второстепенно, в нем не заключена его собственная первопричина, и даже если оно и существует, то легко могло бы и не существовать или же прекратить свое существование завтра, что рано или поздно случится с Солнечной системой или с каждым из нас.

Будучи созданиями случайными и обреченными на смерть, мы отчаянно пытаемся уцепиться за что-то вечное – Абсолют. Этот Абсолют может быть трансцендентным, как библейское божество, или имманентным. Даже не затрагивая Спинозу или Бруно, мы вместе с философами-идеалистами становимся частью Абсолюта, поскольку Абсолют (например, по Шеллингу) – это нерасторжимое единство познающего субъекта и того, что раньше от субъекта отделялось, – природы или мира. В Абсолюте мы отождествляем себя с Богом, являемся частью чего-то еще не до конца оформившегося: процесса, развития, бесконечного роста и бесконечного самоопределения. Но если все устроено именно так, мы никогда не сможем ни охарактеризовать, ни познать Абсолют, ибо являемся его частью, и в попытке постичь его мы будем похожи на барона Мюнхгаузена, вытаскивавшего себя за волосы из болота.

Альтернативное решение – мыслить об Абсолюте как о чем-то, чем мы не являемся и что находится вне нас и независимо от нас, как Бог у Аристотеля, который мыслит самого себя и, как писал Джойс в романе «Портрет художника в юности», «остается внутри, или позади, или поверх, или вне своего создания, невидимый, утончившийся до небытия, равнодушно подпиливающий себе ногти»⁴⁷. Еще в XV веке Николай Кузанский писал в трактате «De docta ignorantia»⁴⁸: «Бог абсолютен».

⁴⁶ Исх. 3: 14.

⁴⁷ Перевод М. Богословской-Бобровой.

⁴⁸ «Об ученом незнании» (лат.).

Но для Кузанского Бог, как и Абсолют, никогда до конца не постижим. Связь между нашим сознанием и Богом та же, что и между вписанным многоугольником и кругом, в который он вписан: число сторон постепенно увеличивается, и многоугольник становится все ближе к кругу, но многоугольник и круг никогда не совпадут. Кузанский говорил, что Бог есть одновременно центр и окружность, он пребывает везде и нигде.

Можно ли представить себе круг, центр которого везде, а сам он нигде? Конечно, нельзя. Но можно сказать о нем, что я прямо сейчас и делаю, и каждый из вас понимает: я говорю о чем-то, связанном с геометрией, пускай непостижимом и недопустимом, с геометрической точки зрения. Получается, есть все же разница между способностью постичь что-то (или не постичь) и назвать, наделив неким смыслом.

Что значит использовать слово и наделять его смыслом? Вариантов несколько:

А. *Владеть сводом правил, как распознать возможный объект, ситуацию, событие.* К примеру, смысл слов «собака» или «споткнуться» включает в себя ряд пояснений, иногда замещенных визуальными образами, благодаря которым мы узнаем собаку и отличаем ее от кошки, отличаем понятие «споткнуться» от «подпрыгнуть».

Б. *Располагать определением и / или классификацией.* Существуют определения и классификации собак, также как и событий или ситуаций, например, «непреднамеренного убийства по неосторожности», отличного от «неумышленного убийства».

В. *Знать по заданной величине другие свойства, так называемые «фактические» или «энциклопедические».* Допустим, про собаку я знаю, что она верная, незаменимая на охоте, прекрасный сторож; о непреднамеренном убийстве по неосторожности я знаю, что уголовный кодекс предусматривает за него определенное наказание и т. п.

Г. *По возможности владеть сводом правил, как создать соответственный объект или событие.* Пусть я и не гончар, но мне известно значение слова «ваза», я представляю себе процесс ее создания, то же относится и к понятиям «обезглавливание» или «серная кислота». Если обратиться к слову «мозг», то я владею смыслами А и Б, знаком с некоторыми свойствами В, но, как его создать, мне неведомо.

Прекрасный пример, когда известны свойства из пунктов А, Б, В и Г, предлагает нам Ч.-С. Пирс⁴⁹, вот как он описывает литий:

Если вы заглянете в учебник химии в поисках определения лития, вы, возможно, обнаружите, что это элемент, атомный вес которого очень близок к семи. Но если у автора более логический склад ума, то он сообщит вам, что вам следует искать среди минералов, стекловидных, прозрачных, серых или белых, очень твердых, хрупких и нерастворимых, такой, который придает малиновый оттенок несветящемуся пламени; этот минерал, растертый в порошок вместе с известью или с так называемым крысиным ядом и расплавленный, может быть частично растворен в соляной кислоте; если этот раствор выпарить и осадок с помощью серной кислоты должным образом очистить, то обычными методами он может быть обращен в хлорид; если этот хлорид получить в твердом виде, расплавить и подвергнуть электролизу с помощью полудюжины мощных элементов, то образуется шарик розового, серебристого металла, который будет плавиться на газолитовой горелке; вот это вещество и есть образец лития. Особенность этого определения – или, скорее, этого предписания, что более полезно, чем определение, – состоит в том, что оно говорит вам, что обозначает слово «литий», предписывая, что вы должны делать, чтобы получить чувственное (perceptual) знакомство с объектом слова⁵⁰.

⁴⁹ Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) – американский философ, логик, математик, основоположник прагматизма и семиотики.

⁵⁰ Пирс Ч.-С. Элементы логики. Grammatica speculativa / Пер. с англ. Т. В. Бульгиной и А. Д. Шмелева // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983.

Это прекрасный пример, как можно полно и емко представить смысл некоего понятия. Смысл других выражений зачастую бывает туманным, неточным и нисходящим по шкале ясности. Например, даже у выражения «самое большое четное число» есть смысл, и мы сразу понимаем, что число это обладает свойством делимости на два (мы также способны отличить его от самого большого нечетного числа), мы обладаем и довольно туманным сводом правил, как его получить, то есть можем представить, что будем называть всё большие и большие числа, отделяя четные от нечетных... Если только не почувствуем всю безнадежность затеи, как бывает во сне, когда мы пытаемся что-то схватить, но нам это никак не удается. Такая фраза, как «Бог есть одновременно центр и окружность, он пребывает везде и нигде», не несет в себе никаких указаний, которые помогли бы создать соответствующий объект, она не только не связана ни с каким определением, но сводит на нет все попытки хотя бы представить его, и только голова идет кругом. Определение понятия «Абсолют» в общем-то тавтологическое (абсолютно то, что не случайно, но случайно то, что не абсолютно), оно не дает нам никаких описаний, пояснений и классификаций; нам нечего надеяться на правила по созданию чего-то подобного, никакие свойства нам не ведомы, если только Абсолют не обладает ими всеми и тогда, возможно, является *id cuius nihil majus cogitari posit*⁵¹, о чем говорил святой Ансельм Кентерберийский (тут мне на ум приходит высказывание, приписываемое Рубинштейну: «Верую ли я в Бога? Ах, нет, я верую в нечто гораздо большее»). Мы пытаемся постичь его, но самое большее, на что способно наше воображение, – это та самая хрестоматийная ночь, когда все кошки серы.

Конечно, мы можем не только назвать, но и зрительно представить себе то, что не способны постичь. Но эти образы не тождественны непостижимому: они только предлагают нам попытаться представить себе непостижимое, а потом обманывают наши ожидания. Эти попытки сообщают нам чувство бессилия, описанное Данте в последней песне «Рая» (XXXIII, 82–96), где он хочет поведать, что увидел в тот миг, когда погрузил взгляд в божество, но все, что он может сказать, – это то, что он ничего не может сказать, и он прибегает к превосходной метафоре книги с бессчетным числом страниц:

О щедрый дар, подавший смелость мне
Вонзиться взором в Свет Неизреченный
И созерцанье утолить вполне!

Я видел – в этой глуби сокровенной
Любовь как в книгу некую сплела
То, что разлистано по всей вселенной:
Суть и случайность, связь их и дела,
Все – слитое столь дивно для сознанья,
Что речь моя как сумерки тускла.

Я самое начало их слиянья,
Должно быть, видел, ибо вновь познал,
Так говоря, огромность ликованья.

Единый миг мне большей бездной стал,
Чем двадцать пять веков – затее смелой,

⁵¹ Тем, больше чего помыслить невозможно (*лат.*).

Когда Нептун тень Арго увидал⁵².

То же чувство бессилия овладевает Леопарди, когда он решает рассказать нам о бесконечности («И среди этой / Безмерности все мысли исчезают, / И сладостно тонуть мне в этом море»⁵³).

Вот почему в этом году на «Миланезиане» столько художников, пришедших порассуждать об Абсолюте. Уже Псевдо-Дионисий Ареопагит считал, что божественное Единое настолько далеко от нас, что не может быть ни понято, ни достигнуто, говорить о нем надо метафорами и аллюзиями, а лучше всего – чтобы наглядно показать убожество наших речей – отрицательными символами, непривычными выражениями:

А иногда, заимствуя образы от низких предметов, называют Его миром благовонным, камнем краеугольным — (Песн. Песн. I, 2. Ефес. II, 20). Кроме того, они представляют Его под образом зверей, приписывая Ему свойство льва и леопарда, уподобляя рыси и медведице, лишенной детей (Осии XIII, 7, 8) («Gerarchia celeste», II, 5)⁵⁴.

Некоторые наивные философы выдвинули теорию, что только поэтам под силу объяснить нам, что такое Бытие или Абсолют, но и у тех не встретишь ничего определенного. Малларме всю жизнь искал слова, чтобы выразить «орфическое объяснение земли»:

Я говорю: цветок! и, вне забвенья, куда относит голос мой любые очертания вещей, поднимается, благовонная, силою музыки, сама идея, незнакомые доселе лепестки, но та, какой ни в одном нет букете («Кризис стиха», 1895)⁵⁵.

Текст этот в действительности непереволим, он сообщает лишь о том, что произносится слово, оно существует само по себе в окружающем его белом пространстве и рано или поздно порождает совокупность всего несказанного, но под личиной небытия. В самом деле:

назвать объект – значит уничтожить три четверти поэзии, заключенной в счастье постепенного угадывания: предлагать, вот настоящая мечта («Sur l'Evolution litteraire: reponse à l'enquête de Jules Huret»⁵⁶, 1891).

Вся жизнь Малларме проходит под знаком этой мечты и вместе с тем под знаком поражения. Поражения, которое Данте с самого начала считал неминуемым, понимая, что в попытках дать окончательное толкование бесконечности заключена дьявольская гордыня, и он избежал поражения поэзии, создавая поэзию поражения – она не пытается выразить невыразимое, но говорит о невозможности выразить.

Задумаемся над тем, что Данте (как, впрочем, и Псевдо-Дионисий, и Николай Кузанский) был верующим. Можно ли верить в Абсолют и утверждать, что его невозможно помыслить и выразить? Да, если признать, что невозможную мысль об Абсолюте заменяет ощущение Абсолюта и, следовательно, вера, как «основа чаемых вещей / И довод для того, что нам незримо»⁵⁷. В ходе нынешней «Миланезианы» Эли Визель упомянул слова Кафки о том,

⁵² Перевод М. Лозинского.

⁵³ «Бесконечность». Перевод Анны Ахматовой.

⁵⁴ *О небесной иерархии* (лат.). Перевод М. Г. Ермаковой.

⁵⁵ Перевод И. Стаф.

⁵⁶ «О литературной эволюции: ответ на анкету Жюль Юре» (фр.).

⁵⁷ Алигьери Д. *Божественная комедия. Рай*, XXIV, 64–65. Перевод М. Лозинского.

что возможно говорить с Богом, но не о Боге. Если, с точки зрения философии, Абсолют – это ночь, когда все кошки серы, то для мистиков, для Иоанна Креста, например, это «темная ночь» («О, ночь, меня ведущая, / Желаннее зари»⁵⁸) и источник непередаваемых эмоций. Иоанн Креста описывает свой мистический опыт с помощью поэзии: не получившее удовлетворения напряжение может обрести материальное воплощение в завершенной форме, и это единственная гарантия, которая возможна в случае с невыразимостью Абсолюта. Оттого Китс в «Оде к греческой вазе» и заменяет Красотой постижение Абсолюта:

В прекрасном – правда, в правде – красота.
Вот знания земного смысл и суть⁵⁹.

Этот взгляд подходит тем, кто решил обратиться к эстетической религии. А Иоанн Креста наверняка сказал бы нам, что лишь собственный мистический опыт постижения Абсолюта способен дать ему знание единственной возможной истины. Отсюда уверенность многих верующих: философские концепции, отрицающие возможность постичь Абсолют, отрицают автоматически и все критерии истины, даже те, что относятся к преходящему миру. Так ли неразделимы истина и постижение Абсолюта?

Без веры в существование чего-то истинного человеческие существа не способны выжить. Если бы мы во время диалога не задумывались, правду нам говорят или лгут, невозможно была бы жизнь в обществе. Пусть на упаковке и написано «Аспирин», мы не знаем наверняка, не стрихнин ли внутри.

Зеркальная теория подает истину как *adaequatio rei et intellectus*⁶⁰, наше сознание уподобляется зеркалу, которое должно точно отражать вещи как они есть, если оно не повреждено, не кривое или не запотело. Этой теории придерживались, например, Фома Аквинский и Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), а поскольку святой Фома не мог быть ленинистом, то получается, что Ленин по своим философским взглядам был неотомистом, само собой, о том не подозревая. В действительности же, если вынести за скобки экстатические состояния, мы облачаем в слова отражения нашего мыслительного процесса. Как бы то ни было, правдой или ложью мы считаем наши выводы о положении вещей, а не сами вещи. У Тарского⁶¹ есть знаменитое высказывание: тезис «снег белый» верен только в том случае, если снег действительно белый. Оставим в стороне белизну снега, которая со временем станет все более спорной, и обратимся к другому примеру: тезис «идет дождь» (в кавычках) верен только в том случае, если на улице действительно идет дождь (без кавычек).

Первая часть дефиниции (та, что в кавычках) – вербальный тезис и отражает только саму себя, тогда как вторая должна отражать реальное положение вещей. Однако то, что должно быть положением вещей, вновь оказывается выраженным словами. Во избежание этого лингвистического посредничества мы должны были бы сказать, что фраза «идет дождь» верна, если происходит тот самый процесс (так, не говоря ничего конкретного, мы укажем на идущий дождь). Но если мы полагаем, что способны проверить это заявление однозначными показаниями органов чувств, то с тезисом «Земля вращается вокруг Солнца» все куда сложнее (поскольку органы чувств заявили бы совершенно противоположное).

⁵⁸ Цит. по: Мережковский Д. *Испанские мистики*. М., 2002. Перевод Д. Мережковского.

⁵⁹ Перевод В. Микушевича.

⁶⁰ Соответствие вещи и понятия (*лат.*).

⁶¹ Альфред Тарский (1901–1983) – польско-американский математик, логик, основатель формальной теории истинности.

Чтобы установить, соответствует ли тезис реальному положению вещей, следовало бы пояснить фразу «идет дождь» и вывести определение. Следовало бы постановить, что для разговора о дожде недостаточно просто известить о падающих сверху каплях (вдруг кто-то просто поливал цветы на балконе), что консистенция капель должна быть определенной плотности (иначе это может быть роса или иней), что ощущение должно быть устойчивым (иначе мы бы сказали, что заморосил дождь, но тотчас прекратился) и так далее. Оговорив все это, мы переходим к эмпирическому доказательству, которое в случае с дождем доступно каждому (достаточно протянуть руку и довериться собственным ощущениям).

В случае с тезисом «Земля вращается вокруг Солнца» процедура доказательства куда сложнее. Какой смысл обретает слово «правда» для каждого из последующих тезисов?

1. *У меня болит живот.*
2. *Сегодня ночью мне во сне явился Падре Пио⁶².*
3. *Завтра точно пойдет дождь.*
4. *Конец света наступит в 2536 году.*
5. *Есть жизнь после смерти.*

Тезисы 1-й и 2-й отражают субъективную истину, но если боль в животе – явление неоспоримое и мне не подвластное, то в своих воспоминаниях о сне, снувшемся прошлой ночью, я не могу быть уверен. Да и никто другой эти два тезиса с налету не подтвердит. Само собой, если бы врач захотел узнать, действительно у меня колит или же я ипохондрик, то нашел бы возможность это проверить, психоаналитику же, которому я рассказал о явлении мне во сне Падре Пио, было бы куда сложнее, поскольку я легко мог солгать.

Тезисы 3-й, 4-й и 5-й тоже сразу подтвердить нельзя. Подтверждение завтрашнего дождя будет получено завтра, а конец света в 2536 году ставит нас в тупик (поэтому мы и различаем по степени надежности прогнозы полковника авиации и предсказателя). Тезисы 4-й и 5-й разнятся тем, что вся правда о 4-м выяснится хотя бы в 2536 году, тогда как 5-й останется эмпирически неразрешимым вопросом *per saecula saeculorum*⁶³.

6. *Величина любого прямого угла всегда равна 90 градусам.*
7. *Вода всегда закипает при 100 градусах.*
8. *Яблоня – это цветковое растение.*
9. *Наполеон умер 5 мая 1821 года.*
10. *Достичь берега можно, следуя за Солнцем.*
11. *Иисус – сын Бога.*
12. *Правильное истолкование Священного писания определено учением Церкви.*
13. *Эмбрионы – это человеческие существа, и у них есть душа.*

С точки зрения установленных нами правил, одни тезисы верны, другие нет: прямой угол равен 90 градусам только в системе аксиом Евклидовой геометрии; вода действительно закипает при 100 градусах, не только если мы поверим закону физики, выведенному с помощью индуктивного обобщения, но и если будем основываться на дефиниции градуса по Цельсию; яблоня – цветковое растение только по некоторым правилам ботанической классификации.

⁶² Падре Пио, в миру Франческо Форджоне (1887–1968), – священник и монах итальянского происхождения из ордена капуцинов, католический святой. Знаменит стигматами и совершением чудес.

⁶³ Во веки веков (*лат.*).

Кто-то больше доверяет результатам исследований, проведенных другими и до нас: мы считаем, что Наполеон и вправду умер 5 мая 1821 года, так как этому нас учат учебники истории, но кто знает, вдруг завтра в архивах Британского адмиралтейства обнаружится неопубликованный документ, доказывающий, что дата была совсем другой. Порой по утилитарным соображениям мы признаем верной мысль, ложность которой для нас очевидна: например, в пустыне, чтобы не заблудиться, мы ведем себя так, будто верим, что Солнце движется с востока на запад.

Утверждения религиозного характера сложно назвать неоспоримыми. Если принять свидетельства Евангелий как исторически достоверные, доказательства божественности Христа не вызвали бы сомнений даже у протестанта. Но в случае с учением Церкви все не так просто. Утверждение о душе эмбрионов зависит исключительно от закреплённости значений за словами «жизнь», «человеческий» и «душа». Святой Фома, например (см. ниже «Эмбрионы без царствия небесного»), полагал, что они подобны животным и обладают лишь животной душой, а раз они еще не стали человеческими существами с душой разумной, для них невозможно воскрешение плоти. Сегодня его бы обвинили в ереси, но в те на редкость цивилизованные времена Фому провозгласили святым.

Таким образом, вопрос в договоренности о критериях истинности, которые мы каждый раз используем.

Наше чувство терпимости вырастает именно из признания разных степеней доказуемости или приемлемости истины. Например, научный и педагогический долг велит мне заставить студента, утверждающего, что вода закипает при 90 градусах – тех самых, что составляют прямой угол (помнится, я это действительно как-то услышал на экзамене), но ведь и каждый христианин тоже, казалось бы, обязан смириться с мыслью, что для кого-то нет бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его, и мусульман мы призываем к тому же.

Однако в свете последних дискуссий кажется, что критерии истинности, присущие сегодняшнему образу мыслей – особенно научно-логическому, – порождает релятивизм, воспринимаемый как болезнь современной культуры, которая отрицает саму идею истины. Что подразумевают под релятивизмом его противники?

В ряде философских энциклопедий нам сообщают, что существует познавательный релятивизм, согласно которому объекты поддаются познанию только в условиях, заданных человеческими способностями. В таком случае к релятивистам надо было бы отнести и Канта: он никогда не отрицал возможность формулировать законы вселенского значения и к тому же верил в Бога, в первую очередь из соображений морали.

Другая философская энциклопедия понимает под релятивизмом «любое представление, которое не допускает абсолютных первопричин в области познания и действия». Есть люди, утверждающие, что «педофилия – зло», но эта истина подходит только под определенную систему ценностей, поскольку в ряде культур педофилия допускалась или до сих пор допускается, и в то же время считается, что теорема Пифагора убедительна в любое время и в любой культуре.

Ни один серьезный человек не подал бы под ярлыком релятивизма теорию относительности Эйнштейна. Измерение зависит от условий движения наблюдателя – этот принцип действителен для любого человеческого существа в любое время и в любом месте.

Релятивизм как философская доктрина зародился в XIX веке одновременно с позитивизмом, когда Абсолют признавался непознаваемым, в крайнем случае в нем видели подвижный предел непрерывного научного исследования. Но ни один позитивист никогда не утверждал, что недостижимы научные истины, объективно доказуемые и для всех действительные.

Философская позиция, которая при поспешном прочтении учебников может быть названа релятивистской, – это так называемый холизм, считающий любой тезис верным /

неверным (и обретающим смысл) только в органической системе допущений, заданной контекстной схемой или, по словам некоторых, в заданной научной парадигме. Холисты утверждают (и справедливо), что в системах Аристотеля и Ньютона значение понятия пространства различается, следовательно, эти системы несоизмеримы, а одна научная система сопоставляется с другой по тому, насколько она объясняет совокупность явлений. Но холисты сразу сами признают, что существуют системы, не способные объяснить совокупность явлений, а некоторые, наоборот, долгое время преобладают над остальными, ибо лучше справляются с этой задачей. То есть даже холист с его показной терпимостью сталкивается с явлениями, нуждающимися в объяснении, и, не афишируя свою позицию, придерживается, как я бы его назвал, минимального реализма, провозглашающего существование закона, которому подчиняется существование и развитие всех вещей. Возможно, мы его никогда не узнаем, но, если мы не будем верить, что он есть, наше исследование будет бессмысленным, и бессмысленно будет искать всё новые системы объяснения мира.

Холистов часто называют прагматистами, но и здесь не стоит торопиться с чтением учебников по философии. Пирс, настоящий прагматист, не говорил, что идеи верны, только если доказывают свою эффективность: нет, они доказывают свою эффективность, когда верны. Он придерживался фаллибилизма, то есть признавал, что наши знания всегда могут быть подвергнуты сомнению, и одновременно утверждал: человечество, постоянно корректируя свои знания, несет «факел истины».

Эти теории вызывают подозрения в релятивизме из-за того, что разные системы могут быть взаимно несоизмеримыми. Естественно, система Птолемея несоизмерима с системой Коперника, и лишь в первой из них понятия эпицикла и деферента получают точные значения. Но несоизмеримость двух систем не отменяет возможности их сравнения – только сравнив их, мы постигаем небесные явления, которые Птолемей объяснял с помощью понятий эпицикла и деферента, и нам становится ясно, что последователи Коперника хотели объяснить те же самые явления, но с помощью другой контекстной схемы.

Философский холизм близок к лингвистическому, который воспринимает язык с его семантической и синтаксической структурой как источник определенного мировоззрения, и человек является, по сути, его заложником. Бенджамин Ли Уорф, например, анализируя европейские языки, воспринимает многие явления как объекты; словосочетание «три дня» грамматически тождественно словосочетанию «три яблока», а в некоторых языках американских индейцев акцент делается на процесс, и их носители видят явления там, где мы видим объекты; в результате язык хопи оказался бы куда более подготовленным для определения ряда явлений, изучаемых современной физикой, чем английский. Уорф также говорил о том, что у эскимосов вместо одного слова «снег» их четыре – для разных консистенций снега, поэтому там, где мы видим лишь что-то одно, они увидели бы гораздо больше. Эти умозаключения были приняты крайне скептически, хотя любой лыжник-европеец тоже различает по консистенции разные типы снега, и, пообщавшись эскимос с нами, он бы понял, что, когда мы говорим «снег» о тех четырех явлениях, которые он называет по-разному, то поступаем, как французы: словом *glace* они обозначают лед, сосульку, мороженое, зеркало, стекло витрины, но, тем не менее, они не до такой степени заложники собственного языка, чтобы по утрам бриться, смотрясь в мороженое.

Не все сегодняшние мировоззрения принимают холистическую перспективу, но она вливается в колею тех теорий перспективности познания, согласно которым реальность можно увидеть в разных перспективах, и каждая из них ее дополняет, не исчерпывая, тем не менее, ее бесконечного многообразия. В утверждении, что реальность всегда определяется обособленными точками зрения (при этом ничуть не субъективными или персональными), нет и тени релятивизма, и если мы соглашаемся, что всегда воспринимаем ее только под

определенным углом, то это никак не освобождает нас от веры и надежды, что мы являем собой всегда одно и то же.

В энциклопедиях рядом с познавательным релятивизмом описывается релятивизм культурный. Еще Монтень, а за ним и Локк начали осознавать, что разные культуры отличаются не только языком или мифологией, но и представлениями о морали (всегда логичными для их среды), и осознание это пришло, когда стали развиваться контакты Европы с другими культурами. Некоторые аборигены из лесов Новой Гвинеи до сих пор считают каннибализм законным и достойным (в отличие от одного англичанина), и этот факт кажется мне неоспоримым, равно как и то, что в некоторых странах порицание неверным женам выказывают в несколько иной форме, нежели у нас. Однако, если мы признаём, что культуры отличаются друг от друга, это, во-первых, не отрицает большей универсальности некоторых моделей поведения (например, любовь матери к своим детям или схожие выражения лица, обозначающие отвращение или веселье), во-вторых, не влечет автоматически за собой моральный релятивизм, а раз нет одинаковых для всех культур этических ценностей, мы легко можем адаптировать свое поведение к собственным желаниям и интересам. Признавая существование других культур и уважая их несхожесть, мы не отрекаемся от своей культурной идентичности.

Отчего же мы придумали себе этот фантомный релятивизм, ставший однородной идеологией, раковой опухолью современного общества?

Светская критика релятивизма направлена в основном против крайностей релятивизма культурного. Марчелло Пера излагает свои взгляды в книге «Без корней»⁶⁴, написанной в соавторстве с Ратцингером: он прекрасно знает, что культуры отличаются друг от друга, но утверждает, что некоторые ценности западной культуры (среди них демократия, отделение государства от Церкви, либерализм) доказали свое превосходство над ценностями других культур. Сегодня у западной культуры есть все основания, чтобы по сравнению с остальными быть более развитой в этих сферах, и Пера, доказывая, что это превосходство должно быть очевидно всему миру, прибегает к весьма спорному доводу. Он говорит: «Если представители культуры Б по собственному желанию выбирают культуру А, а не наоборот – например, потоки мигрантов из мусульманских стран направляются на Запад, а не наоборот, – тогда есть повод думать, что культура А лучше, чем Б». Против этого довода работает тот факт, что в XIX веке ирландцы массово эмигрировали в США не потому, что предпочли протестантскую страну своей любимой католической Ирландии, а из-за страшного голода, который вызвала пероноспора, поразившая картофель. Отказ Перы от культурного релятивизма был вызван беспокойством: как бы терпимость по отношению к другим религиям не переросла в сговорчивость и как бы Запад под напором потоков переселенцев не поддавался влиянию чужих культур. Перу волнует не защита Абсолюта, а защита Запада.

В книге «Против релятивизма»⁶⁵ Джованни Йервис выводит удобный для себя, странноватый тип релятивиста – что-то среднее между поздним романтиком, постмодернистским мыслителем с ницшеанскими корнями и последователем философии нью-эйдж, для которого релятивизм становится формой иррационализма, противопоставляющей себя науке. Йервис обличает реакционную природу культурного релятивизма: если настаивать на том, что любые формы общества заслуживают уважения, оправдания и чуть ли не идеализации, это только подтолкнет к изоляции народов. Некоторые культурные антропологи – те, что предпочитают не выделять биологические и поведенческие характеристики, повторяющиеся у разных народов, а объяснять их различия исключительно культурой и придают слишком большую важность культуре, пренебрегая биологическими факторами, и не они одни, –

⁶⁴ Pera M. e Ratzinger J. *Senza radici*. Milano: Mondadori, 2004. (Прим. автора.)

⁶⁵ Jervis G. *Contro il relativismo*. Roma-Bari: Laterza, 2005. (Прим. автора.)

еще раз косвенно подтвердили превосходство духа над материей, в чем проявили солидарность с представителями религиозной мысли.

Толком не ясно, противопоставляется релятивизм религии или же является собой скрытую форму религиозной мысли. Пусть антирелятивисты хотя бы договорятся между собой. Но проблема в том, что разные люди, говоря о релятивизме, подразумевают разные явления.

Некоторые верующие видят здесь двойную опасность: культурный релятивизм обязательно приводит к релятивизму моральному, кроме того, если признать многообразие возможных доказательств истины, то под вопрос ставится сама познаваемость абсолютной истины.

Ратцингер, еще будучи кардиналом Конгрегации доктрины веры, в ряде доктринальных нот подчеркивал связь культурного релятивизма с этическим и сетовал, что некоторые партии видят в этическом релятивизме условие демократии.

Мы уже говорили, что этический релятивизм не является частью культурного: культурный релятивизм признает за папуасом из Новой Гвинеи право вставить себе в нос гвоздь, в случае же нашей культуры с ее непреложной этической нормой он не признает за взрослым человеком (даже если он священник) права надругаться над семилетним ребенком.

Иоанн Павел II в энциклике «Fides et ratio»⁶⁶ так пишет о противопоставлении релятивизма и истины:

... Современная философия забыла об основном предмете своего изучения – бытии – и сосредоточила внимание на человеке. Вместо того чтобы опереться на способность человека познать истину, она предпочла подчеркнуть пределы и условия этого познания. Такой подход породил разные формы агностицизма и релятивизма, которые привели к растворению философского исследования в зыбучих песках всеобщего скептицизма.

А вот слова из проповеди Ратцингера 2005 года:

Устанавливается диктатура релятивизма, который ничто не считает окончательным и единственным мерилom провозглашает собственное «я» и его желания. У нас же иное мерило: Сын Божий, истинный человек («Missa pro eligendo romano pontifice»⁶⁷, проповедь кардинала Ратцингера, 18 апреля 2005 года).

Здесь противопоставляются два видения истины: истина как семантическое свойство тезиса и как свойство Бога. Причина в том, что в Священном Писании (по крайней мере, в тех переводах, по которым мы его знаем) встречаются оба эти представления. Иногда истина понимается как соотношение между словами и положением вещей («истинно говорю тебе» в значении «говорю как есть»), а иногда как подлинное свойство Бога («Я есмь путь и истина и жизнь»). Из-за этого у многих Отцов Церкви сформировались взгляды, которые Ратцингер назвал бы релятивистскими, ибо они не придавали особого значения, соответствует ли утверждение о мире реальному положению вещей или нет, важна лишь одна-единственная истина, достойная этого названия, а именно – идея спасения. Когда Блаженный Августин рассуждал о том, круглая Земля или плоская, то, казалось, склонялся к первому варианту, но он не забывал, что спасти душу это знание не поможет, и потому считал: на практике эти теории равнозначны.

В своих многочисленных трудах кардинал Ратцингер представляет истину не иначе как раскрытой и воплощенной в Христе. Но если истина веры – это явленная истина, то зачем

⁶⁶ «Вера и разум» (лат.).

⁶⁷ «За выбор римского понтифика» (лат.).

противопоставлять ее истине философов и ученых, у которой совсем иная природа и иные цели? Вспомним Фому Аквинского: он, прекрасно осознавая всю вопиющую еретичность авероистического тезиса о вечности мира, в трактате «О вечности мира» принимал на веру, что мир был создан, но, говоря о космологии, признавал, что нет рациональных доводов ни в пользу его создания, ни в пользу вечности. Для Ратцингера же, как он заявляет в интервью, опубликованном в книге «Монотеизм»⁶⁸, суть современной философской и научной мысли заключена в том, что

истина, как считается, не может быть познана, но к ней можно постепенно приближаться маленькими шажками проб и ошибок. Все чаще понятие истины заменяют понятием согласия. Эта тенденция означает, что человек отдаляется от истины; то же происходит с разделением на добро и зло, и теперь все целиком зависит от принципа большинства... У человека нет никаких заданных заранее критериев, когда он проектирует и «строит» мир, и рано или поздно он обязательно переступает через понятие человеческого достоинства, отчего даже права человека ставятся под сомнение. В подобном представлении о разуме и рациональности совсем не остается места для Бога.

Подобная экстраполяция обуславливает переход от благоразумного восприятия научной истины как объекта постоянной проверки и исправления к уничтожению человеческого достоинства, и это совершенно неприемлемо, если только современный образ мыслей не руководствуется идеей, что фактов нет, есть лишь интерпретации, а тогда можно утверждать, что основа бытия в другом и что Бог мертв, и наконец: если Бога нет, то все возможно.

Ни Ратцингера, ни антирелятивистов, по большому счету, нельзя отнести к мечтателям или заговорщикам. Просто антирелятивисты, которых я назову умеренными или критически настроенными, видят своего врага в особой форме крайнего релятивизма, отрицающего факты и признающего только интерпретации, а релятивисты, которых я назову радикальными, идут дальше и утверждают, что фактов нет, современное мышление оперирует только интерпретациями, и здесь они допускают ошибку, за которую – по крайней мере, в мою бытность студентом – на экзамене по истории философии поставили бы «неудовлетворительно».

Мысль, что фактов нет и есть лишь интерпретации, появляется у Ницше и наглядно объясняется в статье «Об истине и лжи во вненравственном смысле» (1873)⁶⁹. Поскольку природа не дала нам никакой подсказки, интеллект опирается на концептуальный вымысел, который называет истиной. Мы считаем, что говорим о деревьях, красках, снеге и цветах, а на самом деле это лишь метафоры, не совпадающие с подлинными сущностями. Есть множество отдельных листьев, но нет первичного «листа», «по образцу которого сотканы, нарисованы, размерены, раскрашены и завиты все листья, но это сделано неловкими руками». Птица или насекомое воспринимает мир не так, как мы, и глупо сравнивать, чье видение мира правильнее, ибо нам бы понадобился тот самый критерий «точного восприятия», которого у нас нет. Природа «не знает ни понятий, ни форм, ни родов, но только одно недостижимое для нас и неопределимое X». Истина превращается в «летучий отряд метафор, метонимий, антропоморфизмов», поэтических изобретений, которые стираются, перейдя в сферу знания, «иллюзий, о чьей иллюзорной природе позабыли».

Ницше, однако, не принимает в расчет два явления. Во-первых, когда мы приспособляемся к требованиям этого нашего сомнительного знания, нам как-то удается свести счеты с природой: если человека укусила собака, врач знает, какую надо сделать прививку, даже

⁶⁸ *Il monoteismo*. Milano: Mondadori, 2002. (Прим. автора.)

⁶⁹ Цитаты из этой статьи даются в переводе Л. Завалишиной.

если он ничего не знает о той конкретной собаке, которая кусалась. Во-вторых, порой природа вынуждает нас признать иллюзорность знания и выбрать альтернативную ему форму (это уже вопрос революции познавательных парадигм). Ницше говорит о существовании естественных требований, воспринимаемых им как «ужасные силы», которые непрерывно давят на нас, вступая в противоречие с нашими «научными» истинами. Но он отказывается их концептуализировать, поскольку мы выстраивали нашу концептуальную броню именно для того, чтобы от них защититься. Изменения возможны, но скорее как вечная поэтическая революция, а не как реконструкция:

...Если бы каждый из нас имел различное ощущение, если бы мы сами воспринимали мир то как птицы, то как черви, то как растения, или если бы одному из нас одно и то же раздражение нерва казалось бы красным, другому – синим, а третьему – даже музыкальным тоном, – то никто не говорил бы о такой законосообразности природы.

Поэтому искусство (и вместе с ним миф)

постоянно перепутывает рубрики и ячейки понятий, выставляя новые перенесения, метафоры, метонимии, постоянно обнаруживает стремление изобразить видимый мир бодрствующих людей таким пестро-неправильным, беспоследственно-бессвязным, увлекательным и вечно новым, как мир сна.

При таких предпосылках первой мыслью было бы сбежать в мир снов, сбежать от реальности. Ницше предполагает, что подобное господство искусства над жизнью – заблуждение, пускай и крайне оптимистичное. Однако – и эту идею потомки Ницше восприняли с особым прилежанием – искусство может говорить то, что говорит, так как само Бытие готово принять любое определение, ведь у него нет основы. Для Ницше такое растворение Бытия совпадало со смертью Бога. После чего некоторые верующие делают из этой объявленной смерти неверные выводы в духе Достоевского: если Бога нет, или больше нет, значит, все дозволено.

Неверующий же знает, что если ада и рая нет, то надо обязательно спастись при жизни, проповедуя доброжелательность, сочувствие и законы морали. В 2006 году вышла книга Эудженио Лекальдано «Этика без Бога»⁷⁰, где он утверждает, что настоящая нравственная жизнь возможна, только если оставить Бога в стороне, и подкрепляет свою мысль многочисленными ссылками на широкий круг авторов. Естественно, я не собираюсь сейчас устанавливать, прав ли Лекальдано и цитируемые им авторы; я лишь хочу напомнить: далеко не все полагают, что отсутствие Бога отменяет этический вопрос. Это отметил и кардинал Мартини⁷¹, учредивший в Милане кафедру для неверующих. Папой Мартини не стал, что дает почву для сомнений в божественном вдохновении конклава, но суждения на эту тему уже не в моей компетенции. О том же говорил и Эли Визель дней десять назад: люди, верившие, что им все позволено, думали, что Бог мертв, они думали, что они сами боги (заблуждение, свойственное как крупным, так и мелким диктаторам).

Как бы то ни было, теорию, которая отрицает факты и признает только интерпретации, разделяют далеко не все современные мыслители, они предьявляют Ницше и его последователям следующие возражения:

⁷⁰ Eugenio Lecaldano. *Un'etica senza Dio*. Roma-Bari: Laterza, 2006. (Прим. автора.)

⁷¹ Карло Мария Мартини (1927–2012) – кардинал, известный своими либеральными взглядами, архиепископ Милана, соавтор Эко по книге «Диалог о вере и неверии» (1996; русское издание – ББИ, 2011).

1. Если бы вместо фактов были только интерпретации, что бы интерпретировала интерпретация?

2. Если бы интерпретации интерпретировали друг друга, все равно не обошлось бы без объекта или события, из-за которых мы начали интерпретировать.

3. Если бы бытие не поддавалось определению, получилось бы, что мы говорим о нем метафорами, и вопрос об истинности высказывания сместился бы с объекта на субъект познания. Даже если Бог и умер, то Ницше – нет. На чем основано наше доказательство существования Ницше? На словах, что это лишь метафора? Но если это так, кто их произносит? Даже если о реальности пусть не всегда, но часто говорили бы метафорами, то для их осмысления нам все равно понадобились бы слова с буквальным значением, которые обозначали бы то, что мы узнали опытным путем: я не могу называть «ножкой» опору стола, если не знаком с неметафорическим определением человеческой ноги, ее формой и функцией.

4. Наконец, утверждая, что интересубъективный критерий проверки остался в прошлом, многие забывают, что окружающий нас мир («ужасные силы», по Ницше) иногда пресекает наши попытки определить его хотя бы метафорически; забывают, что не удастся вылечить воспаление, применив теорию флогистона, но зато помогут антибиотики; и что одни медицинские теории лучше других.

Значит, Абсолюта, возможно, нет, а если и есть, то его нельзя помыслить или достичь, но зато существуют природные силы, которые благоприятствуют или противостоят нашим интерпретациям. Если я интерпретирую нарисованную на стене открытую дверь как настоящую и соберусь пройти в нее, тот факт, что стена непроницаема, сведет на нет мою интерпретацию.

Должен быть некий закон, по которому все существует или развивается, и доказательством тому – не только смертность всех людей, но и то, что, попытавшись пройти сквозь стену, я сломаю нос. Смерть и стена – единственные формы Абсолюта, в которых мы не можем сомневаться.

Очевидность стены, которая говорит нам «нет», когда мы пытаемся ее интерпретировать, как если бы ее не было, наверное, покажется слишком слабым критерием истины для хранителей Абсолюта, но я еще раз процитирую Китса: «Вот знания земного смысл и суть».

[Выступление на конференции в рамках «Миланезианы», 9 июля 2007 года.]

Пламя прекрасно

Вэтом году тема «Миланезианы» – четыре стихии. Со всеми четырьмя я бы за один раз не справился, потому сегодня ограничусь огнем.

Почему? Потому что из всех стихий именно он, никогда не терявший своего значения для нашей жизни, рискует оказаться забытым. Воздухом мы дышим непрерывно, воду пьем ежедневно, по земле постоянно ходим, но с огнем мы взаимодействуем все меньше и меньше. Привычные функции огня постепенно перенимаются источниками невидимой энергии; понятие света отделилось у нас от пламени, с огнем мы сталкиваемся, лишь при использовании газа (так что ничего толком и не видно), спичек или зажигалок – и то одни курильщики, свечей – их зажигают только те, кто до сих пор ходит в церковь.

Для избранных остается еще камин, и с этого я бы и хотел начать. В 70-е годы я купил сельский дом с настоящим камином, и для моих детей, тогда десяти и двенадцати лет, вид огня, пылающего полена, пламени был чем-то совершенно новым. Я заметил, что при горящем камине они забывали о телевизоре. Пламя было красивее и интереснее любой передачи, оно рассказывало бесконечные истории, каждый миг изменялось, не было ограничено прописанной схемой телешоу.

Из наших современников больше всего размышлял о поэзии, мифологии, психологии и психоанализе огня, наверное, Гастон Башляр, который в процессе своего исследования архетипов, искони сопровождающих человеческое воображение, не мог не столкнуться с огнем.

Тепло огня отсылает к теплу Солнца, которое воспринимается как огненный шар; огонь гипнотизирует и, следовательно, является одновременно объектом и катализатором фантазии; огонь напоминает нам о первом всеобъемлющем запрете (к нему нельзя прикасаться) и потому символизирует проявление закона; огонь – первое создание, которое, чтобы родиться и вырасти, поглощает два полена, его породивших (здесь кроется и мощное сексуальное начало, ибо зародыш огня возникает при трении), а с другой стороны, раз мы говорим о психоанализе, то надо вспомнить Фрейда, считавшего, что подчинить огонь можно при одном условии – если отказать себе в удовольствии затушить его, помочившись, и отказ этот будет победой над импульсивным поведением.

Импульсы огонь превращает в метафоры: начиная с «вспыхнуть от обиды» до «воспылать любовью»; огонь проскальзывает в качестве метафоры во всех разговорах о страстях; метафорически огонь связывают с жизнью из-за схожести его цвета с кровью. Огонь как источник тепла отвечает за процесс разложения питательной материи или пищеварение, и роднит его с этим процессом то, что для выживания ему тоже надо все время подпитывать себя.

Огонь предстает как орудие любого преобразования, его сразу призывают, когда нужны перемены: чтобы не дать ему угаснуть, мы должны окружить его заботой – не меньше, чем новорожденного, – в огне тотчас проявляются главные противоречия нашей жизни, это стихия, которая несет жизнь и несет смерть, разрушения и страдания; это символ чистоты, очищения и в то же время грязи, поскольку пепел, остающийся после него, подобен экскрементам.

Огонь может быть слепящим светом, на который нельзя поднять глаза, как их нельзя поднять на Солнце, но должным образом прирученный – например, когда он уменьшается до пламени свечи, – он дает нам понаблюдать за игрой света и тени, во время ночных бдений одинокое пламя пробуждает в нас *фантазии*, его легкий отблеск растворяется в темноте, и свеча напоминает нам об источнике жизни и угасающем Солнце. Огонь рождается из материи, чтобы преобразоваться в субстанцию куда более легкую и воздушную, из красного или

синеватого пламени у основания – в белое на кончике, а потом и вовсе раствориться в дыму. В этом смысле природа огня восходящая, она возвращает нас к трансцендентности, и тем не менее, огонь – символ глубин ада, оттого, может, что известно о его существовании в недрах Земли, откуда он вырывается лишь во время извержения вулканов. Огонь есть жизнь, и вместе с тем он обречен на угасание, ибо бесконечно хрупок.

Чтобы покончить с Башлярром, я бы хотел процитировать фрагмент из его книги «Психоанализ огня»:

Над очагом висел на крючьях черный котел. Трехногий чугунок ставили в горячую золу. Бабушка, напыжив щеки, раздувала дремлющий огонь через стальную трубу. Все варилось одновременно: картошка для свиней, картошка получше – для семьи. Для меня пеклось в золе свежее яичко. Силу огня не измеришь с помощью песочных часов: яйцо считалось готовым, когда на поверхности скорлупы испарялась капля влаги (чаще всего это была капля слюны). Я очень удивился, прочитав недавно, что Дени Папен определял степень готовности пиццы методом моей бабушки. Яйцо полагалось мне не раньше, чем я справлюсь с обязательной хлебной похлебкой. <...> Зато в те дни, когда я хорошо себя вел, доставали вафельницу. Прямоугольная форма, положенная плашмя на горячие колючки, распластывала яркий, как язычок шпажника, огонь. И вот уже вафля у меня в переднике, она обжигает пальцы сильнее, чем рот. Тут я и впрямь поедал огонь – я глотал его золотистость, его запах и даже его шипение, когда горячая вафля хрустела на зубах. Огонь доказывает свою человечность именно таким образом: он всегда дарит нам некое роскошное наслаждение, вроде десерта⁷².

Итак, огонь многолик, это не только физическое явление, но и символ, и, как любой символ, он полисемантичен, разные значения проявляют себя в зависимости от контекста. Однако сегодня я постараюсь углубиться не в психоанализ, а в грубую и беззастенчивую семиотику, отправлюсь на поиски многочисленных смыслов, приобретенных им и приобретаемых на наших глазах, когда мы греемся у огня и когда от него умираем.

⁷² Перевод Н. В. Кисловой.

Огонь как божественная стихия

Раз первый опыт огня мы косвенно получаем через солнечный свет, а напрямую – от молнии и неподвластного нам пожара, то нет ничего удивительного в том, что изначально огонь ассоциируется с божеством; в любой первобытной культуре в той или иной форме существовал культ огня: от встречи восходящего Солнца и до поддержания священного огня, который должен всегда, не угасая, гореть в глубине храма.

В Библии огонь неразделимо связан с явлением божественного: на огненной колеснице вознесся Илия, в огненном блеске будут ликовать праведные («Так да погибнут все враги Твои, Господи! Любящие же Его да будут как солнце, восходящее во всей силе своей!») (Суд 5:31); «И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде – как звезды, вовеки, навсегда» (Дан 12:3); «Во время воздаяния им они воссияют как искры, бегущие по стеблю» – Прем 3:7), а Отцы Церкви называют Христа *lampas, lucifer, lumen, lux, oriens, sol iustitiae, sol novus, stella*⁷³.

Античные философы рассуждали об огне как космическом начале. По словам Аристотеля, для Гераклита архе, источником всего в мире, был огонь, и, судя по некоторым фрагментам, Гераклит действительно так считал.

Так же, видимо, он утверждал, что при наступлении новой эры Вселенная возрождается в огне и происходит взаимный обмен всего на огонь и огня на всё, как обмен товаров на золото и золота на товары. По свидетельству Диогена Лаэртского, он полагал, что все из огня образуется и в огонь обращается, что всё – посредством конденсации или разрежения – есть изменчивые формы огня (который, конденсируясь, превращается во влагу, она, затвердевая, становится землей, земля, в свою очередь, разжижается в воду, а вода испаряется, и искрящийся пар питает новый огонь). Но, увы, всем известно, что Гераклита называли Темным, что владыка, чей оракул находится в Дельфах, не говорит и не утаивает, но указывает знаками, и многие полагают, что отсылки к огню были в действительности лишь метафорами, отражавшими крайнюю переменчивость мира. А также *panta rei* – все течет и меняется, и, позволю себе добавить, не только нельзя войти дважды в одну воду, но нельзя и дважды обжечься об одно пламя.

Лучшее, наверное, отождествление огня с божеством ждет нас в трудах Плотина. Огонь – проявление божества, поскольку, как это ни парадоксально, Единое, из которого все исходит и о котором ничего нельзя сказать, не движется и не растрачивается в процессе создания. Помыслить это Первоединое можно лишь как истекающий из него свет, как свет, сияющий вокруг Солнца, который оно излучает всегда по-новому, оставаясь при этом неизменным и не растрачиваясь («Энеады», V, 1, 6).

Если все порождается излучением, то ничто на Земле не может быть прекраснее самого божественного излучения – огня. Красота цвета – казалось, что может быть проще, – рождается из формы, господствующей над темнотой вещества, и бесплотного света, заключенного в цвете, чьей формальной причиной он является. Огонь прекрасен сам по себе, прекраснее, чем любое тело, ибо его форма имматериальна: из всех тел он самый легкий, настолько легкий, что стремится к имматериальности. Он всегда остается чистым, так как не содержит в себе другие стихии, которые составляют вещество, тогда как все остальные содержат огонь: действительно, они могут нагреться, а огонь охладиться не может. Лишь огонь по природе

⁷³ Светоч, светоносный, свет, восходящее солнце, солнце правды, новое солнце, звезда (*лат.*).

своей обладает цветом, и от него все вещи получают форму и цвет, однако стоит им отдалиться от пламени, как исчезает вся их красота.

Неоплатонический характер носят сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита (V–VI вв.), которые впоследствии повлияли на всю средневековую эстетику. Приведу пример из книги «О небесной иерархии» (XV):

По моему мнению, вид огня указывает на Богоподобное свойство небесных Умов. Ибо святые Богословы описывают часто Высочайшее и неизобразимое Существо под видом огня, так как огонь носит в себе многие и, если можно сказать, видимые образы Божественного свойства. Ибо чувственный огонь находится, так сказать, во всем, чрез все свободно проходит, ничем не удерживается; он ясен и вместе сокровенен, неизвестен сам по себе, если не будет вещества, над которым бы он оказал свое действие; неуловим и невидим сам собой; все побеждает и, к чему бы ни прикоснулся, над всем оказывает свое действие⁷⁴.

Над средневековыми понятиями о красоте и пропорции стоят понятия чистоты и яркости. Благодаря кинематографу и ролевым играм мы представляем себе Средневековье как череду «темных» веков, и речь идет не о метафоре, а о мрачных красках и густых тенях. Но это ужасное заблуждение. В Средние века люди действительно жили в довольно темных местах: лесах, укромных уголках замков, тесных комнатах, еле освещенных пламенем очага, и, хотя спать они ложились рано и день для них был привычнее ночи (что потом будут особо ценить романтики), Средневековье видит себя в ярких тонах.

Средневековье отождествляло красоту не только с пропорциональностью, но также со светом и цветом, и цвета всегда были чистыми: симфония красного, голубого, золотого, серебряного, белого, зеленого – без оттенков и светотени, где сияние рождается из единства целого и не определяется неким светом со стороны, который окутывает предметы или размывает краски и очертания фигуры. Кажется, что на средневековых миниатюрах свет излучают сами предметы.

Ощущение ослепительного характерно для поэтов: трава зеленая, кровь красная, молоко белоснежное. Гвиницелли описывает красавицу, у которой «румянец рдяный на лице блее снега» (далее уже будет «Прохладных волн кристалл»⁷⁵).

Огонь оживляет видения мистиков, например, Хильдегарды Бингенской. Заглянем в «Liber scivi as»⁷⁶ (II, 2):

Я увидела яркий свет и в его глубине – сапфирового цвета силуэт человека, от него исходило ослепительное легкое пламя и охватывало все вокруг; тот сияющий свет охватил ослепительное пламя, а ослепительное пламя – сияющий свет, потом сияющий свет и ослепительное пламя охватили человеческую фигуру, и возник единый светоч исключительной доброты и мощи. <...>

Пламя сочетает в себе необычайную яркость, неисчерпаемую энергию и жаркую страстность, необычайная яркость сохраняется, пока пламя искрится, неисчерпаемая энергия – пока не гаснет, жаркая страстность – пока обжигает.

Или свет, сияющий в Дантовом «Рае», который во всем его великолепии передал, как это ни странно, художник XIX века Гюстав Доре: он попытался (как мог, но мог он не много)

⁷⁴ Перевод М. Г. Ермаковой.

⁷⁵ СXXXVI канцона Петрарки. Перевод Е. Солоновича.

⁷⁶ «Путеведение» (лат.).

воплотить в живописи тот блеск, вихрь пламени, огоньки, солнца, ясный цвет, «подобный горизонту пред рассветом» (XIV, 69), белые розы, алые цветы, расцветающие в третьей части, где даже явление Бога представляется огненно-экстатическим («Рай», XXXIII, 115–120):

Я увидал, объят Высоким Светом
И в ясную глубинность погружен,
Три равноемких круга, разных цветом.

Один другим, казалось, отражен,
Как бы Ирида от Ириды встала;
А третий – пламень, и от них рожден⁷⁷.

В Средние века господствует космология света. Уже в IX веке Иоанн Скот Эриугена в комментарии к трактату «О небесной иерархии» (I) пишет, что

универсальное устройство мира – это необъятный источник света, состоящий из множества частей, будто из множества огоньков, он обнаруживает чистые виды понятных вещей и постигает их взглядом ума, способствуя произрастанию божественной милости и спасительного разума в сердце верующих мудрецов. Поэтому правильно теологи называют Бога Отцом светов⁷⁸, ибо от Него пошли все вещи, ради которых и в которых Он себя проявляет и в свете собственной мудрости их объединяет и претворяет в жизнь.

В XIII веке Роберт Гроссетест⁷⁹ изучал космологию света, согласно которой Вселенная – это единый поток светящейся энергии, источник красоты и бытия (что вызывает ассоциацию с теорией Большого взрыва). Этот свет постоянно разрежается и конденсируется, образуя астральные сферы и естественные ареалы стихий и, как следствие, бесконечное число оттенков и размеров вещей. Бонавентура в комментарии к «Сентенциям» Петра Ломбардского (II, 12, 1; II, 13, 2) говорит, что свет является всеобщей природой и есть в любом теле – как небесном, так и земном, это субстанциальная форма тел, которые на самом деле скорее обладают бытием, чем участвуют в нем.

⁷⁷ Перевод М. Лозинского.

⁷⁸ Иак I:17.

⁷⁹ Роберт Гроссетест (ок. 1175–1253) – основатель оксфордской философской и естественнонаучной школы, теоретик и практик экспериментального естествознания.

Адский огонь

Если огонь движется в небе и доходит даже до нас, а также извергается из глубин Земли, неся с собой смерть, то неудивительно, что издревле огонь ассоциировался и с преисподней.

В книге Иова (41:1–27) из пасти Левиафана «выходят пламенники, выскакивают огненные искры <...> Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя». В Апокалипсисе снятие седьмой печати сопровождается градом и огнем, падающими на Землю, отворяется кладезь бездны, и из него выходят дым и саранча, освобождают четырех ангелов, привязанных при реке Евфрате, и те движутся с бесчисленными всадниками в огненной броне. Когда же появляется Агнец и на белом облаке встречается с Высшим судьей, то Солнце опалает выживших. После Армагеддона зверь сгинул вместе с лжепророком в огненном и серном озере.

В Евангелиях грешников приговаривают к геенне огненной (Мф 13:40–42):

Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов.

Как это ни удивительно, в Дантовом аду огня гораздо меньше, чем можно было ожидать, потому что поэт всеми силами старается придумать разнообразные муки, и нам остаются только еретики в раскаленных могилах, гневные, богохульники, дерущиеся в реке из кипящей крови, содомиты и лихоимцы, страдающие от огненного дождя, святокупцы, закопанные вниз головой, по чьим ступням змеится пламя, мздоимцы в кипящей смоле.

В барочных текстах адского огня, конечно, куда больше, и описания мучений в аду значительно превосходят жестокость Данте, но при этом они не лишены художественной ценности. Приведу в пример фрагмент из Альфонса Лигуори («Инструмент смерти», XXVI):

Самая страшная кара для грешника – огонь преисподней. <...> Даже на этой земле наказание огнем – самое мучительное, но наш огонь ничто в сравнении с адским, он кажется нарисованным, по словам Блаженного Августина <...> Итак, презренного грешника окружит огонь, будто тот – полено в печи. Под ногами, над головой и вокруг него разверзнется огненная бездна. Он будет чувствовать, видеть, вдыхать; но чувствовать, видеть и вдыхать лишь огонь. В огне он будет как рыба в воде. Но огонь этот будет не только вокруг грешника, он станет терзать его и изнутри. Тело его превратится в огонь, и внутренности сгорят в животе, сердце в груди, мозг в черепе, кровь в венах, даже костный мозг в костях: каждый грешник сам станет огненной печью.

Эрколе Маттиоли⁸⁰ пишет в книге «Наглядное милосердие» (1694):

*Случится великое чудо, если правы именитые теологи и огонь сочетает в себе одновременно холода ледников, уколы шипов и железа, желчь асидов, яд гадюк, жестокость хищников, злонамеренность всех стихий и звезд <...> Однако еще большим чудом будет *et supra virtutem ignis*⁸¹, если тот огонь, единственный в своем роде, будет различать, кто*

⁸⁰ Граф Эрколе Маттиоли (1640–1694) – итальянский политик, министр Карла IV, герцога Мантуанского.

⁸¹ «И жгло сильнее огня» (лат.). Прем 16:19.

больше согрешил и заслуживает больших мучений, – sapiens ignis⁸², как его называл Тертуллиан, и ignis arbiter⁸³, как писал Эусебио Эмиссено, – будет подбирать по мере и характеру вины меру и характер мучений <...> он, как если был бы разумным и в ясном сознании, сможет отличить одного грешника от другого и проявит свою суровость и непреклонность.

Вот как сестра Лусия, бывшая пастушка, раскрывает последнюю тайну Фатимы:

Тайна эта состоит из трех частей, из них я раскрою вам две. Первая – видение ада. Богородица показала нам огромное море огня, которое будто бы находится под землей. В этот огонь были погружены демоны и души в человеческой форме, как прозрачные горящие угли, все почерневшие или как темная бронза. Плавая в пожаре, они то поднимались в воздух языками пламени, исторгающимися изнутри их самих вместе с большими облаками дыма, то падали обратно во все стороны, как искры в огромном пожаре, без веса или равновесия, на фоне визгов и стонов боли и отчаяния, которые потрясли нас и заставили дрожать от страха. Демонов можно было различить по их ужасному и отвратительному подобию со страшными и неизвестными животными, полностью черных и прозрачных⁸⁴.

⁸² Разумный огонь (лат.).

⁸³ Огонь-судья (лат.).

⁸⁴ Конгрегация Доктрины Веры. Послание Фатимы.

Алхимический огонь

Между божественным и адским огнем находится огонь – инструмент алхимика. Огонь и тигель – неотъемлемая часть любого алхимического опыта, если воздействовать ими на первоматерию и совершить ряд манипуляций, то можно добыть философский камень, способный запустить механизм превращения и обратить обычные металлы в золото.

Манипуляции с первоматерией делятся на три стадии в зависимости от цвета, постепенно приобретаемого материей: работа в черном, работа в белом и работа в красном. Работа в черном заключается в обжиге (то есть здесь участвует огонь) и распаде вещества; работа в белом – это возгонка или дистилляция, а работа в красном – финальный этап (красный – солнечный цвет, поэтому Солнце часто заменяет золото, и наоборот). Основное орудие в этом процессе – герметичная печь, или атанор, но не обходится и без перегонных кубов, сосудов, ступ, расписанных знаками-символами: философское яйцо, материнская утроба, брачные покои, пеликан, сфера, склеп и т. д. Главные вещества – это сера, ртуть и соль. Но дальнейшие действия обычно не слишком ясны, поскольку язык алхимиков основан на трех принципах.

1. Поскольку объект искусства разглашать нельзя, это тайна тайн, то слова никогда не означают впрямую то, что, казалось, должны бы, никакой символ не получает окончательной интерпретации, и тайна всегда остается где-то рядом.

Бедный глупец! Та к ли наивен ты, чтобы полагать, что мы открыто обучим тебя самому великому и самому важному из секретов? Уверю тебя, что тот, кто захочет объяснить согласно банальному и буквальному здравому смыслу нечто сказанное философами-герметиками, увидит себя среди меандров лабиринта, из коего не сумеет бежать, не имея Ариадниной нити, которая бы его вывела (Артефий⁸⁵).

2. Когда кажется, что речь идет о привычных нам веществах – золоте, серебре, ртути, – на самом деле имеются в виду философские золото или ртуть, не имеющие ничего общего с привычными нам.

3. Слова всегда означают не то, что кажется, но одновременно слова всегда говорят об одной и той же тайне. Как написано в «Turba philoso phorum»⁸⁶:

Знайте, что мы всегда согласны друг с другом, что бы мы ни говорили. <...> Один проясняет то, что другой скрыл, и тот, кто ищет всерьез, сможет найти что угодно.

Когда в алхимический процесс включается огонь? Если бы можно было провести аналогию между алхимическим огнем и огнем, отвечающим за вываривание или подготовку, то он использовался бы на стадии работы в черном, когда жар, действуя на влажность радикалов металла и против нее, липкой и масляной, приводит вещество в состояние нигредо⁸⁷. Если верить «Мифо-герметическому словарю» Аббата Пернети⁸⁸,

⁸⁵ *Артефий* – великий герметический философ, настоящее имя которого никогда не было известно и сочинения которого не датированы, автор «Тайной Книги» (XII в.).

⁸⁶ «Множество философов» (*лат.*) – алхимический трактат, в XI–XII вв. переведенный с арабского языка на латынь.

⁸⁷ *Нигредо* – букв. «чернота» (*лат.*), алхимический термин, обозначающий полное разложение либо первый этап создания философского камня: образование из компонентов однородной черной массы.

⁸⁸ *Dictionnaire Mytho-Hermetique* di Dom Pernety. Paris: Delalain, 1787. (Прим. автора.)

когда вещества нагреваются, то сначала обращаются в порошок и жирную, клейкую жидкость, она испаряется, поднимается к горлышку сосуда, а потом, словно роса или дождь, оседает обратно на дно, образуя подобие черного жидкого бульона. Поэтому говорили о возгонке и испарении, подъеме и падении. В процессе створаживания вода сначала становится подобной черной смоле – ее называют смрадной, зловонной землей, она пахнет плесенью, склепом, могилой («Ключ к работе»).

Но встречаются в книгах и упоминания, что все эти термины: дистилляция, возгонка, прокаливание, вываривание или обжиг, отражение, растворение, падение и створаживание – сливаются в одну-единственную Операцию, проводимую все в том же сосуде, можно ее назвать «варкой» вещества. Таким образом, заключает Пернети,

надо считать эту Операцию единственной, но обозначенной разными терминами; тогда будет ясно, что все последующие выражения обозначают одно и то же: дистиллировать в перегонном кубе; отделить душу от тела; сжечь, прокалить; объединить вещества; изменить их; превратить одно в другое; разложить; расплавить; выработать; зачать; родить; процедить; увлажнить; омыть огнем; ударить молотком; зачернить; сгнить; накалить докрасна; растворить; взогнать; измельчить; растереть в порошок; растолочь в ступке; истереть в пыль на мраморе – и еще многие другие подобные выражения означают «варить в одном и том же режиме до темно-красного цвета». Поэтому важно следить за сосудом, чтобы не сдвинуть его или не убрать с огня, иначе вещество охладится и вся работа будет безвозвратно испорчена («Основные правила»).

Так о каком же огне идет речь, если авторы трактатов упоминают то персидский огонь, то египетский или индийский, начальный огонь, естественный, искусственный, пепельный, песочный, опилочный, плавящий, яростный, противоестественный, алжирский, азотный, небесный, коррозивный, вещественный, лавинный, разлагающий, драконий, навозный и т. д.?

Огонь всегда разогревает печь: с самого начала опыта до работы в красном. Но разве не будет и само слово «огонь» метафорой для красного вещества, получающегося в ходе алхимического процесса? Все тот же Пернети называет красный камень следующими именами: красная резина, красное масло, рубин, купорос, пепел Тартара, красное тело, плод, красная резина, красный камень, красная магnezия, красное масло, звездообразный камень, красная соль, красная сера, кровь, мак, красное вино, красный купорос, кошениль и, наконец, «огонь, природный огонь» («Знаки»).

Таким образом, алхимики всегда работали с огнем, и он лежит в основе алхимической практики; однако именно огонь является одной из самых непроницаемых тайн алхимии. Поскольку я никогда не создавал золото, то не могу разрешить эту загадку, потому перехожу к следующему виду огня, относящемуся к еще одной алхимии – искусству, которое воспринимает огонь как источник новой жизни, а художника – как подражателя богам.

Огонь как причина искусства

Платон пишет в диалоге «Протагор» (320с):

Было некогда время, когда боги-то были, а смертных родов еще не было. <...> Когда же вознамерились боги вывести их на свет, то приказали Прометею и Эпиметею украсить их и распределить способности, подобающие каждому роду. Эпиметей выпросил у Прометей позволение самому заняться этим распределением. «А когда распределю, – сказал он, – тогда ты посмотришь». Уговорив его, он стал распределять: при этом одним он дал силу без быстроты, других же, более слабых, наделил быстротою; одних он вооружил, другим же, сделав их безоружными, измыслил какое-нибудь иное средство во спасение: кого из них он облек малым ростом, тем уделил птичий полет или возможность жить под землею, а кого сотворил рослыми, тех тем самым и спас; и так, распределяя все остальное, он всех уравнивал. <...> После же того как он дал им различные средства избежать взаимного истребления, придумал он им и защиту против Зевсовых времен года: он одел их густыми волосами и толстыми шкурами, способными защитити и от зимней стужи, и от зноя и служить каждому, когда он уползет в свое логово, собственной самородной подстилкой; он обул одних копытами, других же – когтями и толстой кожей, в которой нет крови. Потом для разных родов изобрел он разную пищу: для одних – злаки, для других – древесные плоды, для третьих – корни, некоторым же позволил питаться, пожирая других животных. При этом он сделал так, что они размножаются меньше, те же, которых они уничтожают, очень плодовиты, что и спасает их род.

Но был Эпиметей не очень-то мудр, и не заметил он, что полностью израсходовал все способности, а род человеческий еще ничем не украсил, и стал он недоумевать, что теперь делать. Пока он так недоумевал, приходит Прометей, чтобы проверить распределение, и видит, что все прочие животные заботливо всем снабжены, человек же наг и не обут, без ложа и без оружия <...> и вот в сомнениях, какое бы найти средство помочь человеку, крадет Прометей премудрое искусство Гефеста и Афины вместе с огнем, потому что без огня никто не мог бы им владеть или пользоваться. В том и состоит дар Прометей человеку⁸⁹.

С завоеванием огня зарождаются искусства, по крайней мере то, что греки называли техникой⁹⁰, и растет власть человека над природой. Жаль, что Платон не читал Леви-Стросса и не сказал нам, что использование огня положило начало и приготовлению пищи, но по сути своей кулинария и есть искусство, поэтому входит в платоновское понятие «техне».

О том, насколько огонь связан с искусством, весьма достойно повествует Бенвенуто Челлини в книге «Жизнь...», где рассказывает о своем «Персее», как он его отливал, сделав сначала глиняный кожух, а затем извлекая на медленном огне воск,

каковой выходил через множество душиков, которые я сделал; потому что, чем больше их сделать, тем лучше наполняются формы. И когда я кончил выводить воск, я сделал воронку вокруг моего Персея, то есть вокруг сказанной формы, из кирпичей, переплетая один поверх другого и оставляя много промежутков, где бы огонь мог лучше дышать; затем я начал укладывать туда дрова, так ровно, и жег их два дня и две ночи непрерывно; убрав таким образом оттуда весь воск и после того как сказанная форма отлично обожглась, я тотчас же начал копать яму, чтобы зарыть в нее мою форму, со всеми теми прекрасными

⁸⁹ Перевод В. С. Соловьева.

⁹⁰ Techne – искусство, мастерство (греч.).

приемами, какие это прекрасное искусство нам велит. <...> так что она свисала как раз над серединой своей ямы, я тихонько ее опустил вплоть до пода горна <...> Когда я увидел, что я ее отлично укрепил и что этот способ обкладывает ее, вставляя эти трубы точно в свои места, <...> я обратился к моему горну, каковой я велел наполнить множеством медных болванок и других бронзовых кусков; и, расположив их друг на друге тем способом, как нам указывает искусство, то есть приподнятыми, давая дорогу пламени огня, чтобы сказанный металл быстрее получил свой жар и с ним расплавился и превратился в жидкость, я смело сказал, чтобы запалили сказанный горн. И когда были положены эти сосновые дрова, каковые, благодаря этой жирности смолы, какую дает сосна, и благодаря тому, что мой горн был так хорошо сделан, он работал так хорошо, что <...> начался пожар в мастерской, и мы боялись, как бы на нас не упала крыша; с другой стороны, с огорода небо гнало мне столько воды и ветра, что студило мне горн. Сражаясь таким образом с этими превратными обстоятельствами несколько часов, пересиливаемый трудом намного больше, нежели крепкое здоровье моего сложения могло выдержать, так что меня схватила скоротечная лихорадка, величайшая, какую только можно себе представить, ввиду чего я был принужден пойти броситься на постель⁹¹.

Именно так, из сочетания случайного пожара, фейерверка и горячки рождается и обретает свою форму статуя.

Если огонь – все же божественная стихия, то человек, научившись добывать огонь, обрел власть, которая до того принадлежала исключительно богам, потому даже зажжение огня в храме – проявление человеческой гордыни. Этот вид гордыни греческая цивилизация сразу связала с добычей огня, и занятно наблюдать на примере не только классической трагедии, но и более поздних творений, что при всех восхвалениях Прометея внимание уделяется не столько дару огня, сколько следующему за этим наказанию.

⁹¹ Перевод М. Лозинского.

Огонь как проявление эпифании

Когда художник принимает и признает с гордостью и с *hybris*⁹² свое подобие богам, а к произведению искусства начинает относиться как к альтернативе божественному творению, творческая деятельность неизбежно уравнивается с огнем, а огонь – с эпифанией.

Понятие (или даже термин) «эпифания» заявляет о себе в «Заключении» к «Очеркам по истории Ренессанса» Уолтера Патера. Не случайно знаменитое «Заключение» начинается с цитаты из Гераклита. Реальность – это сумма сил и элементов, набирающих силу и постепенно угасающих, и лишь от недостатка опыта мы считаем их прочными и закрепленными в навязчивом существовании: «Когда рефлексия обращается к этим аспектам, под ее напором они распадаются, и кажется, что связывающая их сила, как по волшебству, прекращает действовать». Мы все еще пребываем в мире переменчивых, сиюминутных, противоречивых ощущений: привычки нарушаются, обыденная жизнь растворяется, и от нее, помимо нее, остаются только отдельные фрагменты, которые всплывают на мгновение и тотчас исчезают.

Совершенство формы постоянно проявляется в чьей-то руке или лице; в цвете холмов или моря один оттенок оказывается изысканнее других; страсть, зрительное восприятие, интеллектуальное возбуждение кажутся нам удивительно реальными и притягательными – лишь в ту минуту.

В удержании этого экстаза заключается «жизненный успех»:

Пока все тает у нас под ногами, мы можем попытаться удержать некое тонкое чувственное ощущение, некий вклад в имеющееся у нас знание о том, что если горизонт проясняется, то дух, кажется, обретает на миг свободу, некое возбуждение чувств, странные краски, странные цвета, необычные запахи, произведение, созданное художником, или лицо друга.

Эстетический и чувственный экстаз всеми писателями-декадентами передается словами, связанными с ярким сиянием. Однако первым, наверно, эстетический восторг с представлением об огне связал Д'Аннунцио, и мы не станем ограничиваться стереотипной мыслью, что пламя прекрасно. Идея эстетического экстаза, рождающегося из познания огня, звучит в романе, в честь огня и озаглавленного⁹³. Глядя на красоту Венеции, Стелио Эффрена обращается к огню:

Болезненно-яркими вспышками он отражался в окружающих предметах. От крестов на вершинах куполов, набухших от молитв, он простирался до россыпей соляных кристаллов под сводами мостов, и все кругом весело сверкало в лучах солнца. Как у дозорного из самого предсердия вырывается резкий крик от тревоги, нарастающей внутри подобно буре, так и золотой ангел на вершине самой высокой башни подал наконец знак, всыхнув. И явился Он. Явился на облаке, восседая словно в огненной колеснице, и за ним тянулись полы его пурпурных одежд.

⁹² Высокомерие, гордыня (*греч.*); в античной мысли – дерзостный выход за пределы, определяемые судьбой; в библейской традиции – безумное притязание на равенство Богу, источник всякого зла.

⁹³ Имеется в виду роман Габриэле Д'Аннунцио «Огонь» (1900).

Главный теоретик эпифании, вдохновившийся именно «Огнем» Д'Аннунцио, который он читал и любил, – Джеймс Джойс. «Под эпифанией он понимал моментальное духовное проявление – возможно, в резкой вульгарности речи или жеста, возможно, в ярко отпечатлевшемся движении самого ума»⁹⁴. Этот опыт теперь всегда будет описываться Джойсом как пламенный. Слово «огонь» упоминается в «Портрете» 59 раз, «пламя» и «пламенный» – 35 раз, не говоря о «лучезарности», «сиянии» и других. В романе «Огонь» Фоскарина слушает Стелио и чувствует себя «вовлеченной в эту пылающую, словно кузнечный горн, стихию». Эстетический экстаз Стивена Дедала всегда сопровождается световыми явлениями и выражается через метафоры, связанные с солнцем, то же происходит и со Стелио Эффреной. Достаточно сравнить два отрывка. Д'Аннунцио:

Корабль круто повернул, и он увидел чудо. Первые лучи солнца просвечивали насквозь трепещущий парус, озаряли недостижимых ангелов на колокольнях Святого Марка и Сан-Джорджо-Маджоре, опаляли сферу Фортуны, украшали пять митр Собора искрящимися коронами. <...> Восславим Чудо! Сверхчеловеческое чувство мощи и свободы наполнило сердце юноши, как ветер – воспрянувший парус. В пурпурном отблеске паруса стоял он, словно в пурпурном отблеске собственной крови («Огонь»).

И «Портрет художника в юности»:

Мысль его, сотканная из сомнений и недоверия к самому себе, иногда вдруг озарялась вспышками интуиции, вспышками такими яркими, что в эти мгновения окружающий мир исчезал, как бы испепеленный пламенем, а его язык делался неповоротливым, и он невидящими глазами встречал чужие взгляды, чувствуя, как дух прекрасного, подобно мантии, окутывает его и он, хотя бы в мечтах, приобщается к возвышенному.

⁹⁴ Перевод С. Хоружего.

Огонь возрождающий

Как мы уже говорили, Гераклит считал, что с наступлением каждой новой эры Вселенная заново рождается из огня. Более близкие отношения с огнем были у Эмпедокла, который, то ли пытаясь стать богом, то ли чтобы убедить своих последователей, что он им уже стал, бросился в Этну (есть такие мнения). Это последнее очищение, выбор в пользу уничтожения огнем всегда привлекали поэтов, достаточно вспомнить Гёльдерлина:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 5,99р. (на 21.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.